БЕССМЕРТИЕ СМЕРТНЫХ

•

Картины К. Юона

•

ОТ ОБРАЗЦА ДО ПРИЛАВКА

•

В Ардоне свадьба

•

ФУТБОЛ ФИНИШИРУЕТ

Затяжной обгон.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

43-й год издания

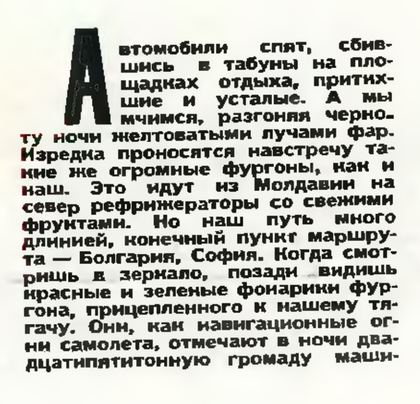
№ 44 (2001)

31 ОКТЯБРЯ 1965

Ю. КРИВОНОСОВ,
специальный корреспондент «Огонька»

Фото автора.

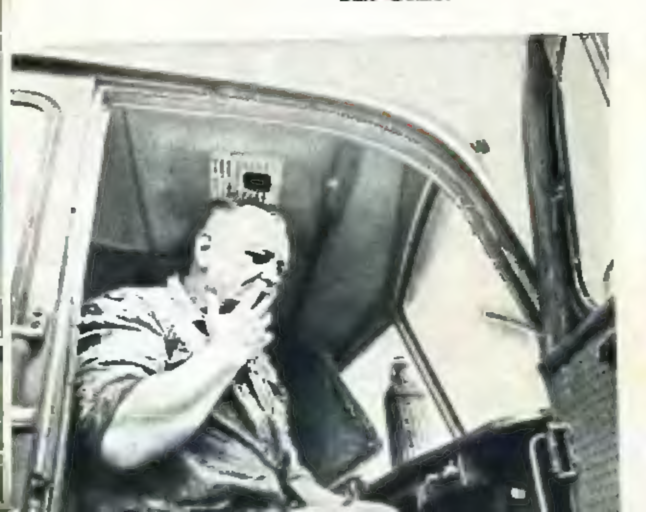
НА ТР

Автомобили спят, сбившись в табуны на площадках отдыха, притихшие и усталые. А мы мчимся, разгоняя черноту ночи желтоватыми лучами фар. Изредка проносятся навстречу такие же огромные фургоны, как и наш. Это идут из Молдавии на север рефрижераторы со свежими фруктами. Но наш путь много длинней, конечный пункт маршрута — Болгария, София. Когда смотришь в зеркало, позади видишь красные и зеленые фонарики фургона, прицепленного к нашему тягачу. Они, как навигационные огни самолета, отмечают в ночи двадцатипятитонную громаду машины. Там, в фургоне, рождаются, борются и погибают люди, влюбляются и страдают, пьют горькую чашу поражений и радуются победам: за спиной у нас двенадцать с половиной тонн эмоций — мы везем книги советских писателей. Везем репродукции с картин Айвазовского и географические атласы, книги по технике, физике и медицине.

Наша «шкода» под номером МОР 80-65 — одна из московских машин Главмежавтотранса — сравнительно молодого автохозяйства, занятого международными перевозками. Сегодня ее экипаж наполовину больше обычного. В путевом листе значится: водители — Сидоров Юрий Иванович и Юденков Константин Федорович,— а корреспондент «Огонька» вписан в графу «Грузчик». Кабина тягача рассчитана на двух человек, но мои спутники гостеприимно потеснились: в тесноте да не в обиде! Стараюсь изо всех сил не быть просто пассажиром. При погрузке вместе с ними укладывал пакеты, во время коротких остановок бегал за водой, помогал налаживать нехитрый путевой быт, а ночами, когда ехать бывает особенно утомительно, рассказывал всякие байки,— мои друзья утверждают, что это облегчает ночную работу шофера.

Бай Сашо.

«Подмосковные вечера».

Друзья в беде не оставят.

Спим по очереди на подвесной койке. Нельзя сказать, чтобы такой сон освежал: койка висит на ремнях жестко, и все неровности дороги чувствуешь на себе.

Через два дня я уже многое знал о своих попутчиках. Константин Федорович — ровесник Октября, впервые сел за руль автомобиля еще в тридцать седьмом году. Потом служил в армии, был удостоен чести нести почетный караул в Мавзолее Ленина. Участник Курской битвы. Таскал своим тягачом пушки, исколесил чуть не всю Европу. После войны в Москве приходилось возить Георгия Димитрова и Васила Коларова; не думал он тогда, что через несколько лет будет совершать регулярные рейсы на их родину, в Болгарию.

Юрий Иванович помоложе. Был радистом, несколько лет зимовал на дальних станциях в Арктике, потом вернулся в Москву и решил: в четырех стенах не жить, по одной дороге не ходить — видеть землю. Так и делает.

И вот наконец полосатый шлагбаум. Контрольно-пропускной пункт Леушены. Здесь шоферов встречают как старых друзей. Необходимые формальности занимают несколько минут. Шлагбаум поднимается, и машина уже на мосту через Прут. В зеркальце видим пограничников и таможенника. Они приветственно машут вслед.

Теперь мы едем по Румынии. Долго взбираемся на перевал Хуши.

— Не жарко тебе тут? — весело спрашивает Юра своего напарника.

И оба смеются, вспоминают, как трудно приходилось на этом участке зимой, в снежные заносы, когда подсыпали под колеса песок на протяжении нескольких километров. Кто-то даже ухитрился таскать песок рабочими штанами: много ли унесешь лопатой?

В маленьких городках ориентируемся по табличкам и стрелкам с надписью «Е-20» — это обозначение магистрали, связывающей Москву с сетью европейских дорог. На всем пути каждый поворот указывает лаконичный знак «Е-20».

Встречные пешеходы приветствуют нашу машину и что-то кричат. Открываем окно и пытаемся услышать, что именно.

Вот тебе на! Все кричат: «Салют, Болгария!» Значит, нас не узнают.

надписей. Они каким-то особым чутьем распознают собрата и приветствуют его привычным, чуть небрежным, но удивительно элегантным жестом. Ночью, когда поднятую руку не увидеть, салютуют ревом могучих сирен.

Тихий городок Рымникул-Сэрат. Заходим поужинать в маленький придорожный ресторан. Минут десять объясняемся на пальцах с молоденькой официанткой. Выручает нас девушка из оркестра — Норина Титу. Русский язык она учила в школе. Заказав нам ужин, Норина возвращается в оркестр, берет свой аккордеон и запевает... ну, конечно же, «Подмосковные вечера»!

На следующее утро пересекаем Дунай по мосту Дружбы и въезжаем в Болгарию. Мимо проплывают виноградники, буровые вышки нового нефтеносного района, заводы Плевена, отары овец на горных склонах. На остановках — приветливые, веселые люди, с которыми можно поговорить о том, о сем: языкового барьера между нами практически не существует.

В Софии разгружаемся. Несколько свободных часов посвящаем экскурсии по столице, а затем ребята отправляются в Пловдив грузиться сигаретами. Оттуда они пойдут прямо на Москву, а я остаюсь здесь: обратный путь мне предстоит совершить с болгарскими шоферами.

Главный инженер предприятия международных автомобильных перевозок Андон Андонов показывает мне свое хозяйство. В ангарах и на площадках автобазы машин тридцать — сорок. Фургоны, холодильники, цистерны.

— Сколько же их у вас?

— Несколько сотен,— отвечает Андонов,— здесь только те, что проходят профилактику или находятся в ремонте. Остальные в рейсах, бегают где-то по двадцати трем странам. С нами ведь сейчас в Европе, пожалуй, ни одна страна не может конкурировать в автомобильных перевозках.

Спрашиваю, почему среди машин преобладают «мерседесы».

— Да потому, что пока для нашей работы это лучший автомобиль.— И очень серьезно предлагает:—Слушайте, а почему бы вам в Союзе не сделать хорошую машину для дальних перевозок? Ведь

фект от перевозок? — поинтересовался я.

— Это смотря как считать. Для нашего предприятия не особенно, хотя, конечно, в убыток не возим. А вот для всего государства, для нашей торговли в целом эффект огромный. И знаете, что получилось? Развитие автомобильных перевозок в крупных масштабах привело к бурному росту некоторых отраслей нашей экономики. Пришлось даже создать еще одно большое автомобильное предприятие при фирме «Родопа»; она вывозит в огромном количестве мясо и живой скот — коров, овец, свиней...

Болгарские товарищи начали заниматься международными перевозками на несколько лет раньше нас и теперь создали у себя настоящую автотранспортную индустрию.

Еще в Москве я беседовал с начальником «Главмежавтотранса» Леонидом Меркурьевичем Чернявским, и он рассказывал о многих трудностях, вызываемых в основном непониманием некоторыми торговыми руководителями всей важности этой экономической проблемы. До сих пор не решен вопрос о тарифе на международные перевозки. Да, автомобильный транспорт несколько дороже железнодорожного, но есть ряд товаров, которые возить автомобилем выгодней. Не нужны расходы на доставку груза к вагонам и от них, груз идет, как говорится, «от двери к двери», упрощается, а следовательно, удешевляется упаковка, отсутствуют перевалки, нет потерь от повреждений. Следует помнить, что вагоны, идущие за границу, приходится переставлять на европейскую колею, а смена колесных тележек тоже стоит немалую копейку. Много есть и других преимуществ, но, пожалуй, основное — это быстрый оборот средств. Посудите сами, что выгодней: когда деньги обернутся за три-четыре дня или заморозятся на месяц. Тем более если перевозятся товар высокой стоимости.

Товарищи из «Главмежавтотранса» попросили экономистов подсчитать эффективность перевозок, и результат получился весьма внушительный. И не для себя подсчитывали, а для торговых организаций. Но те почему-то предпочитают жить по старинке. А вот, на-

Мы в Бухаресте.

С болгарскими ребятами переводчик не требуется.

АССЕ Е-20

А как, собственно, узнаешь? Впереди есть маленький опознавательный автомобильный знак страны — «SU», а на фургоне выведено: «Главмежавтотранс». Но кто это может прочитать и кто знает, что это значит? А буквы славянские — вот и принимают за болгар.

Почему у всех международных перевозчиков на машинах через весь борт написано название государства, а у нас нет? Ужасно обидно, когда тебя не узнают! И нужно, обязательно нужно, чтобы и наши машины несли на себе имя своей страны, начертанное большими-большими буквами.

Но сами «международники» приветствуют друг друга, не читая

у вас же есть отличные грузовики!

Я говорю ему, что сейчас наши конструкторы как раз работают над созданием такой машины и берут за основу новую модель «МАЗа».

— О, «МАЗ»—это сильная машина! Только скажите вашим инженерам, чтобы не забыли и шоферов. Пусть создадут им условия не хуже, чем в новейших западных тягачах, где и койки на амортизаторах, и холодильники для продуктов на дорогу, и даже гардероб, куда можно повесить одежду. А мы у вас будем с удовольствием их покупать.

— Велик ли экономический эф-

пример, «Книгоэкспорт» давно понял преимущество автомобиля и уже в течение двух лет успешно сотрудничает с кунцевским автохозяйством «Главмежавтотранса».

...За трое суток — три времени года: лето, осень, зима. Перед выездом из Болгарии ужинали у придорожной чешмы—источника. Кто-то оставил для проезжих на чешме большую гроздь винограда, и мы полакомились им, помянув добрым словом хорошего человека. Было тихо и удивительно тепло. В Румынии уже царила осень. Шеренги золоченых деревьев вдоль шоссе. Желтый листик зацепился за нашу антенну и, как яркий флажок, дрожит перед стек-

лом. А в небе навстречу нам тянутся длинные косяки журавлей.

Мы везем груз весьма прозаический—соленые огурцы. Повезут их через Советский Союз в Финляндию. Экипаж нашей машины — шофер Димитр Савов Димчев и Александр Атанасов Георгиев. Первого все называют по отчеству — Савов, а второго почтительно величают бай Сашо. Ему уже пятьдесят пять, трое детей, четверо внуков и тридцать шесть лет шоферского стажа. Он бывал в Советском Союзе, правда, дальше

(Окончание на 4-й стр.)

Наш груз уже на прилавке.

Где-то в Румынии...

БЫТ, ТОРГОВЛЯ И ЭКОНОМИЧЕСКИЕ СТИМУЛЫ

Знакомьтесь: НОВИНКИ

— Зимние ботинки неплохи,— говорит Раиса Григорьевна Диденко, заместитель начальника Управления торговли промтоварами Главторга Москвы.— Но хотелось, чтобы их выпустили побольше именно сейчас, до морозов...

Сколько разной разности — и телевизоры, и пластмассовые коробки, и фотоаппараты, и обувь, и игрушки, и одежда... Многое — это сразу видно — качества отменного. Вот хотя бы эти детские туфли — и отделкой привлекают, и фасоном хороши, и цветом кожи. Эксперты единодушны: «Утвердить, выпускать, и как можно больше!» Все довольны — добрый сделали ребятам подарок. Но тут представитель Саратовской обувной фабрики «вносит ясность»: до апреля будущего года будет выпущено всего лишь тридцать тысяч пар таких ботинок. Маловато! Забегая вперед, скажу, что на этом Экспертном совете арифметика нередко вступала в противоречие с красотой, и обе они от этого проигрывали. Хороший детский самокат прислали ярославцы, но первая партия — 10 тысяч штук. Капля в море!..

Мне не раз доводилось бывать на заседаниях Экспертного совета постоянного павильона лучших образцов товаров Министерства торговли СССР. Но нынешнее собрание специалистов промышленности и торговли, на котором председательствует первый заместитель министра торговли СССР Сергей Андреевич Трифонов, представляется необычным. Впервые оно проводится в обстановке куда более значительных экономических возможностей каждого предприятия, возможностей, открываемых после решения сентябрьского Пленума ЦК КПСС.

Прежде многие из этих новинок испытали бы тернии 8—10 согласований, прежде чем попали бы к покупателю. Сегодня путь их куда короче: магазин — предприятие — магазин. Именно такой видится формула прямых связей: магазин изучает спрос покупателей, делает заказ фабрике, та быстро и на должном уровне его выполняет.

По этой схеме, в частности, тридцать третья московская швейная фабрика держит связь с торговой фирмой «Детский мир». То, что демонстрируется сейчас на Экспертном совете, сшито по заказу фирмы. Но, увы, и на «прямых связях» возникают «обрывы»: крохотные «тиражи» — шесть тысяч изделий, пятнадцать тысяч, снова пятнадцать тысяч... Даже в масштабе одного города — это мизерные количества. Вопрос о «тиражах» одежды — один из самых острых.

Возникает интересный разговор. Пора установить, что десять — пятнадцать тысяч — это не массовый «тираж». Отличная модель костюма заслуживает того, чтобы сшить сто тысяч таких костюмов. И тут же поступает возражение, и на первый взгляд веское: «Зачем делать людей похожими друг на друга?» Отнюдь нет. От швейников и конструкторов зависит, чтобы костюмы, платья в мелочах не повторялись, для этого существует свой арсенал средств: отделка, цвет ткани, изменение некоторых деталей и прочее и прочее. К тому же следует учесть и другое: миллион одинаковых или почти одинаковых костюмов можно разослать в магазины ста тысяч городов и поселков. Вот где свое слово должна сказать оптовая торговля.

Конечно, все это не исключает, а предполагает выпуск каких-то моделей небольшими партиями — по тысяче и даже по сто штук. Это можно было бы даже отметить на ярлыке, прикрепленном к платью или костюму,— пусть покупатель знает, что, кроме него, во всей стране еще только 99 человек будут носить такие костюмы. Девяносто девять — не больше! Конечно, и цена на такие костюмы может быть в полтора, а то и в два раза выше, чем на «массовые»,— кто посетует на это?

Думается, что теперь, после создания Министерств торговли и легкой промышленности СССР, теперь, когда прямые связи перестают быть только экспериментом, продолжая при этом совершенствоваться, проблемы «тиражей» будут решаться куда проще, разумнее и быстрее.

Но вернемся на заседание Экспертного совета — высшего, хотелось бы думать, арбитра, когда

«ЗОЛОТАЯ ЗВЕЗДА» — ГОРОДУ-ГЕРОЮ

Недавно в Октябрьском Дворце культуры Киева собрались герои войны и герои трудового подвига — бойцы, форсировавшие Днепр в 1943 году, и строители, воздвигавшие светлые здания на Крещатике. В зале — передовые рабочие, ученые, писатели, деятели искусства, делегации других городов страны. Здесь состоялось торжественное заседание, посвященное вручению медали «Золотая Звезда» городу-герою Киеву.

Тепло встреченный присутствующими, с речью выступил Первый секретарь ЦК КПСС, член Президиума Верховного Совета СССР Л. И. Брежнев. Под бурные аплодисменты Л. И. Брежнев прикрепил к знамени Киева медаль «Золотая Звезда». На заседании выступил член Президиума ЦК КПСС, Первый секретарь ЦК КП Украины П. Е. Шелест.

С воодушевлением приняли собравшиеся приветственное письмо Центральному Комитету Коммунистической партии Советского Союза.

На снимках: торжественное заседание, посвященное вручению медали «Золотая Звезда» городу-герою Киеву.

Фото А. Устинова.

НА СТРОГИЙ СУД: Домашние туфли.

Изделия Карачаровского пластмассового завода.

Мотороллер «Вятка».

речь идет о новых товарах широкого потребления. «Экзаменуются» новинки Карачаровского завода пластмасс — отличные и очень нужные в хозяйстве новинки! Банки из двухцветного полиэтилена (выпуск его освоен впервые), конструктивно простые и очень удобные секционные кухонные коробки — и для крупы, и для спичек, и для всякой всячины. Если у вас небольшая кухня, подвесьте две-три коробки, а можно составить из них и полку в один или два этажа. Специалисты утверждают, что такой товар пойдет бойко. Тем более огорчительно, что предложение будет явно отставать от спроса: пресловутый «вал» все еще действует. Карачаровцы несколько месяцев назад показывали свои новинки в московском магазине «Тысяча мелочей». На том дело и кончилось. С той поры не поступило сюда почти ни одного из приглянувшихся изделий. Но теперь такая позиция завода может сильно ударить по его карману. Близок день, когда самим карачаровцам станет невыгодно медлить с освоением производства новых товаров. Об их успехах будут ведь судить не по валу, а по сбыту продукции. Руководители это, видимо, понимают, учитывают и уже в нынешнем году предполагают выпустить 213 тысяч новых изделий, многие из которых утверждены сейчас на Экспертном совете. Утверждение завершилось приятным для коллектива завода сюрпризом — ему присуждается премия за разработку новинок. Хороший стимул! Но нам думается, что следовало бы установить премии не за образец, а за освоение массового выпуска нового изделия.

Конечно, далеко не все, представленное сегодня на суд совета, встречено добрым словом. Московский завод «Автоштамп» показал алюминиевую посуду. Нашлись и «прокуроры» и «адвокаты». Одни говорят: «Надо бы обработать эту посуду более тщательно, с применением новых составов». А «защитники» парируют: дескать, все это усложнит выпуск. И так, мол, хороши. И вдруг у одной из кастрюлен отскочила ручка. «Защитники» угомонились. «Убедила конкретная критика!» — заметил кто-то из «прокуроров».

Качество — вот вокруг чего разгораются споры, вот к чему в конце концов сводится обсуждение каждого образца.

С этих позиций рассматривают лодочный мотор «Вихрь». Туристы и рыбаки давно ждут такой вот 20-сильный, мощный двигатель, который позволяет суденышку развить скорость в сорок—сорок пять километров. Хорош мотор, но вот беда — весит он 48 килограммов. Некоторое улучшение конструкции двигателя, скажем, установка удобного стартера, еще более утяжелила его... 48 килограммов против 32—34: вес лучших (сравнимых по мощности) зарубежных моделей! Есть над чем задуматься создателям мотора...

Вниманию членов совета предлагается фотоаппарат «Зенит-Е». И первый же вопрос к представителям красногорского завода: «Какова предполагаемая цена?» Вопрос более чем закономерен: две предыдущие модели «Зенита» печально известны непомерно высокими ценами. Для фотолюбителя они слишком дороги. А фотокорреспонденты ими не пользуются: предпочитают аппараты более совершенные. Хотелось бы, чтобы усилия конструкторов сейчас были бы направлены по двум путям: на улучшение хороших недорогих аппаратов и на создание модели суперкласса — фоторепортерам такая камера очень нужна. Это в интересах всех. Известно, что продукция красногорцев еще нередко оседает на прилавках.

...Надо приветствовать выпуск новинок — хороших и разных. Но прежде всего хороших. Это тема № 1 всех дискуссий большого Экспертного совета, значение которого должно теперь возрасти еще более.

К. БАРЫКИН.

Фото Галины Санько.

Скоро первая партия детских трикотажных костюмов появится в столичном универмаге «Детский мир».

НА ТРАССЕ Е-20

(Окончание)

Одессы не ездил. А Савов едет к нам впервые и потому с нетерпением ждет границу. И когда в его паспорте, проштемпелеванном сотнями печатей, наконец появляется отметка советского пограничного пункта, он радостно сообщает:

— Всю Европу исколесил вдоль и поперек, а в Советском Союзе не был! С тридцатых годов мечтал об этом дне, еще когда работал в комсомольском подполье...

Бай Са́шо всю дорогу поет — и за рулем и во время отдыха. Поет болгарские народные песни и наши — «Бежал бродяга с Сахалина», «Славное море, священный Байкал». И еще читает по памяти стихи. Вообще он в душе поэт. Может быть, этому способствовало то, что ему пришлось несколько лет работать шофером в Союзе болгарских писателей и возить по своей стране многих гостей. Он знаком со многими известными нашими литераторами.

Савов же больше человек земли. За Киевом небо заволокло черными тучами, и он вдруг забеспокоился: на полях еще не убрана сахарная свекла, вдруг до снега не успеют. Я ему сказал, что снег здесь ложится не раньше конца ноября, и он успокоился.

...Это было в понедельник—день, как известно, тяжелый: не успели мы отъехать несколько километров от Козельца, как обнаружилась крупная неприятность — лопнула ось задних колес фургона. «Дня три простоим,— прикинули шоферы,— пока попутная не привезет из Софии новую ось».

Я отправился в Козелецкое отделение «Сельхозтехники». Кончался рабочий день. Но главный инженер еще был на месте. Я рассказал ему о беде, постигшей болгарских друзей. И буквально через несколько минут машина, оборудованная передвижной сваркой, уже была на месте. Сварщик Коля Карась и слесарь Миша Сидоренко осмотрели повреждение: «Ничего, будет как новая, только включите радио, а то сегодня киевское «Динамо» играет — важная встреча! Хотели съездить посмотреть, да уж ладно, хоть по радио послушаем, а может, успеем управиться, так второй тайм по телевизору увидим...» Но так и не уехали, даже закончив свою работу. Помогли смонтировать колеса и отправились домой, только проводив нас, уже в полной темноте.

А вскоре повалил густой снег. Через час водители сменились: ехать было неимоверно трудно, от снега рябило в глазах. Потом остановились совсем. Сказался напряженный день. Разложили койки и улеглись. Уже засыпая, я слышал, как Савов ругал бай Са́шо за то, что тот мешает ему своим храпом. Но уснул я под дружный храп обоих водителей.

На рассвете вскочили продрогшие. Кругом белые поля, машина тоже густо усыпана снегом.

— Пропала свекла!— сокрушался Савов.

— Не беспокойся, это первый снег, к обеду растает.

— Вчера ты тоже говорил, что снега не будет...

Но выкатилось солнце, и снег действительно начал таять.

В Мценске остановились на заправку. Какой-то шофер деловито осмотрел наш тягач и с уважением буркнул: «Сила!»

— Э, другарю! «ЗИС-5» посильней,— ответил бай Са́шо.

— Как так? — удивился тот.

— «ЗИС-5» гнал «мерседесов» от Москвы до Берлина, разбираш ли, братушка?

...Впереди показался силуэт Московского университета. Бай Са́шо торжественно прочитал стихи Христо Смирненского:

Москва, Москва!
Пред твоите стоманени врати
Разби се вражата вълна...

...Мои друзья поехали дальше — через Ленинград в Хельсинки. Я их проводил за город. Распрощались. И когда машина тронулась, они подняли руки привычным, чуть небрежным, но удивительно элегантным жестом.

Недавно американский журнал «Тайм» напечатал такое откровение по поводу целей Соединенных Штатов во Вьетнаме: США, оказывается, «намерены противопоставить красной революции подлинную революцию в здравоохранении, образовании, благосостоянии и самообеспечении в интересах вьетнамцев». Это лихое лицемерие рассчитано на внутриамериканское потребление. В США растет протест против варварской политики в Юго-Восточной Азии. И «Тайм» вынужден лицемерить. Журнал предпочитает не печатать фотографий, подобных этой. Но именно эта фотография показывает, что несут США вьетнамцам: «цивилизацию» солдатского сапога, «культуру» палача, «заботу» могильщика.

Восьмилетний Джеффри Шеппард, сын шефа вооруженной полиции в Адене, где Великобритания осуществляет свой протекторат, судя по всему, подражает своему отцу. А отец занимается тем, что наводит колониальный порядок на аденской земле. Следующий снимок показывает, как вооруженные полицейские и английские солдаты проводят облаву на улицах Адена. Оружие английского производства используется для того, чтобы сломить сопротивление патриотов, не желающих подчиняться колониальному режиму.

●

А вот еще снимки, касающиеся колониальной политики Великобритании. На одном из них изображены главарь расистского правительства Южной Родезии Ян Смит (крайний справа) и премьер-министр Великобритании Гарольд Вильсон. Они сняты в Лондоне во время переговоров о дальнейшей судьбе Южной Родезии. Как известно, эти переговоры закончились ничем, и расисты Южной Родезии упорно ведут дело к одностороннему провозглашению независимости страны, где власть будет безраздельно находиться в их руках. Английское правительство действует в этом случае куда менее решительно, чем в Адене. Оно лишь уговаривает расистов быть «умереннее». А южнородезийские «васьки» слушают да... готовятся провозгласить себя хозяевами страны. На улицах в Солсбери (см. второй снимок) стало появляться все больше полицейских машин. Здесь намерены жестоко подавить волнения африканцев, которые не хотят терпеть власть расистов.

Эти снимки сделаны в Доминиканской республике, где около десяти тысяч солдат американской морской пехоты по-прежнему стоят на страже империалистических интересов США. Первый из них показывает американский танк у дороги, ведущей в город Санто-Доминго. На втором снимке — американские солдаты «регистрируют» доминиканцев. Обычные картинки хозяйничанья янки в чужих странах.

Коллеги южнородезийских расистов в Южно - Африканской Республике тоже демонстрируют свою постоянную готовность стрелять в африканцев. Как видно из фотографии этой дамы, расизм хитер на выдумки. Кстати, если в ЮАР будет задержан африканец, у которого найдут оружие, пусть даже незаряженное, ему грозит смертный приговор.

Фото ТАСС, АПН, ЮПИ, газеты «Юманите» и журнала «Фрайе вельт».

Заглянем в зарубежный журнал

КЛЕВЕТНИКА ВЫСЕКЛИ!

Цель книги американского журналиста Виктора Ласки «Этот отвратительный русский» довольно традиционна и предельно очевидна: оклеветать Советский Союз как страну, которая своей помощью якобы причиняет молодым, развивающимся странам огромный ущерб! Средства автора тоже обычны: ложь, грязь, подтасовка фактов. Русские технические специалисты, которые своим самоотверженным, подчас героическим трудом вызывают уважение и благодарность развивающихся народов, показаны Виктором Ласки неучами и круглыми идиотами. Они не умеют пользоваться даже холодильниками, не понимают, например, даже таких простых вещей, что в Африку незачем завозить снегоуборочные машины.

Нам незачем вступать в полемику с профессиональным клеветником Ласки: не стоит пачкаться. Но довольно любопытно, как прореагировали на его стряпню читатели западногерманского журнала «Шпигель», который недавно опубликовал отрывок из опуса американского Мюнхаузена. Приводим несколько выдержек из их писем:

Вызывает сожаление, что «Шпигель» снова и снова публикует материалы, которые содержат очевидную ложь: пример тому — статья специалиста по «холодной войне» Виктора Ласки. Автор давно уже известен своими пропагандистскими тирадами, так что ответственные редакторы не могут утверждать, будто они купили кота в мешке. Для того, чтобы показать абсурдность писаний Ласки, достаточно привести лишь несколько примеров. Ласки пишет: «В Индонезии Советский Союз построил суперфосфатный завод. Однако до сих пор никто еще не нашел в Индонезии ни серы, ни фосфора, которые можно было бы перерабатывать на этом заводе». Согласно же Британской энциклопедии за 1961 год, Индонезия еще в 1950 году произвела 5 521 тонну фосфатов. Или Ласки пишет: «Индонезии подарили завод по рафинированию сахара из сахарной свеклы, однако, к сожалению, в Индонезии растет только сахарный тростник». А в той же энциклопедии (том 21, стр. 528) говорится: ...(следует пространная цитата о том, как в Индонезии наряду с сахарным тростником для получения сахара используется сахарная свекла)... Публикацией подобных материалов редакция подрывает уважение к своему журналу.

Доктор Херберт Кольмер.

...Кто предложил вам отрывок из этой книги в качестве оплачиваемого рекламного объявления? Я не могу себе представить, что вы опубликовали эту чушь даром.

Оскар Ф. Яманн.

...Подобную стряпню в черно-белых тонах мог написать только американец для успокоения своей нации.

Гюнтер Ровольт.

Если судить только по этому отрывку, то можно подумать, что журнал, публикующий подобную чепуху, скатился на самый низкий уровень. Наша австрийская буржуазная печать в каждодневной полемике тоже не находит в странах соцлагеря ни крупинки хорошего, но она еще никогда не доходила, как Виктор Ласки, до вывода, что русские — круглые идиоты. Западным немцам, которые из боязни, что их посчитают коммунистами, очень редко посещают Советский Союз, еще можно выдать подобную чушь. Но в Австрии над подобным даже куры смеются.

Франц Кинцль, Линц, Австрия.

Оказывается, и правда, как нам говорил старый учитель (который позднее, после войны, стал уборщиком мусора), что русские моют картошку в унитазах и крутят педали велосипеда руками!

Вернер Тереба, Людвигсхафен.

В Париже на пятьдесят второй Международной автомобильной выставке большим успехом пользуется новая советская машина «Москвич-408». Вот что сообщили в «Огонек» по телефону из Парижа:

«Новый «Москвич» стал достопримечательностью выставки. Возле него всегда много посетителей. Французские автолюбители оценили прочность, элегантность и высокую проходимость машины. Именно эти качества привлекли владельца таксомоторного парка господина Дюбуа.

— Когда этот автомобиль появится в продаже,— сказал он,— обязательно куплю несколько машин.

А ведь на выставке у «Москвича-408» много достойных соперников: участвует более двадцати стран Европы, Азии, Америки... Семьдесят с лишним фирм показывают здесь свою продукцию.

Международную автомобильную выставку посетил президент Франции де Голль. Осматривая экспонаты, он познакомился с моделью «Москвича-408». Президент сказал, что «Москвич» уже приобрел хорошую репутацию, что он вынослив, прочен».

В Аккре происходила Ассамблея глав государств и правительств Организации африканского единства. Представители солнечного континента обсуждали и африканские дела и проблемы, связанные с укреплением мира во всем мире. В частности, Ассамблея осудила действия южнородезийских расистов. Работа Ассамблеи показала решимость Африки бороться за единство, за свободу африканских стран

ВСЕ ОНИ БЫЛИ ПРОС

Осень над Волгой. Степной ветер, желтые листья на улицах Волгограда, серые, свинцовые волны, бьющиеся о крутой берег... Снова и снова возвращаемся к тем дням, когда здесь кипела жестокая битва за жизнь советской земли. Невольно вспоминаются метельные морозные дни зимы 1942—1943 года, Мамаев Курган, дом Павлова, тракторный завод, переправа... Вспоминается все, что было связано с подвигом советского народа здесь, у волжских твердынь.

Ветер несет желтые листья по широким улицам нового города, мимо новых домов, новых кварталов, новых Дворцов культуры, мимо всего нового, что выросло на этой начиненной осколками железа земле, которая, кажется, до сих пор еще не опомнилась от грохота разрывов авиационных бомб, артснарядов, от железного лязга танков... Сейчас в Волгограде тихо, спокойно. К пристаням подходят большие пассажирские пароходы, к возрожденному на месте развалин вокзалу идут поезда, по асфальтовым дорогам стремительно бегут автобусы.

Кто бы ни прибыл ныне в Волгоград, будь то зару-

ТЫМИ СМЕРТНЫМИ

бежный турист или наш человек, приехавший по делам на тракторный, он обязательно отправится на Мамаев Курган — курган славы, курган доблести, курган мужества советских людей, тех, кто отдал свои жизни за победу Родины.

Издалека, с какой бы стороны ни подъезжал ты к Волгограду, увидишь врезанную в небо фигуру матери-Родины, поднявшуюся над Мамаевым Курганом. Фигура эта еще в строительной арматуре.

Идут сюда люди, на поклон к ней. Поднимаются по широким ступеням, что вздымаются от самой Волги, и молча, долго, пристально всматриваются в каменные изваяния, в тех, кто когда-то был живым, кто стоял здесь насмерть, прикрыв своей грудью родные просторы.

Кто только сюда не приходит: и молодые женщины в легких косынках, со скорбными глазами; и старушки, с трудом поднимающиеся по священным ступеням к этим священным камням; и коротко стриженные ребятишки (минуту назад они шумной ватагой выскочили из автобуса, а тут вдруг затихли, присмирели)! Люди вчитываются в надписи, рассматривают скульптурные, как бы слитые с камнями Сталинграда фигуры его защитников. Здесь есть о чем подумать, есть что вспомнить, есть о чем поделиться с друзьями. У одних тут остались отцы, у других — деды, сыновья и мужья, близкие люди.

«Все они были простыми смертными!» Эти слова начертаны неровными буквами на стене, с которой глядят, пытливо всматриваясь в своих потомков, воины в железных касках, с автоматами в руках. Они и живут еще и уже не живут. Но они остались здесь на многие десятилетия, на много веков, доблестные защитники Сталинграда!

Тут каждая фигура дышит мужеством, каждый человек — герой. И этот монумент, работа над которым должна закончиться к весне будущего года, станет великим памятником великих ратных дел великого народа-победителя.

Среди тех, кто поднимается по широким ступеням Мамаева Кургана, можно часто видеть загорелого человека в пестрой рубашке с короткими рукавами. Это Евгений Викторович Вучетич — автор грандиозного памятника мужеству волжских богатырей. И невольно думается здесь, над Волгой, о той незримой связи, которая существует между героями Мамаева Кургана и теми, кто весной 1945 года пришел в Берлин, мужеству и отваге которых посвящен монумент в Трептов-парке.

Евгений Вучетич душой, сердцем сросся со сталинградской землей, с Мамаевым Курганом, с широкой русской рекой. Окно его квартиры выходит на Волгу. И можно уже по готовым деталям монумента предугадать, какой он будет, этот памятник народу, победившему в самой жестокой, самой кровопролитной во всей истории человечества войне.

Хочется пожелать творцам и строителям монумента успешного окончания их благородной работы.

Анатолий **СОФРОНОВ**

Фото Г. КОПОСОВА.

А НАШУ
СОВЕТСКУЮ
РОДИНУ
смерть

БЫТЬ ГРАЖДАНИНОМ!

...гражданином быть обязан.
Некрасов.

I

Небо синее-синее,
Гулкая даль осенняя...
Что же меня осилило
Грустное настроение?

В грусти не даст вам руку
Ни сват, ни брат и ни зять,—
К другу стучитесь, к другу!
А где его, друга, взять?

Друг — это вам не флюгер
И не стакан вина...
А у меня вот друга
Отобрала война.

Друг мой сумел бы многое.
Был он прямой и рослый.
Но почему-то молнии
Бьют по высоким соснам.

Стали вокруг известными
Те, кто слабей его,
А от него — ни песни,
Ни деревца! Ничего!

Вот говорят: герои
Даром не пропадают;
Вдруг он пророс травою?..
А что мне — трав не хватает?

Мне не хватает друга,
С кем сквозь беду шагать!
Мне не хватает друга,
Жизнь за кого отдать!

Все же, хоть и о прошлом,
Славно припомнить вдруг:
Был у меня хороший,
Очень надежный друг.

II

Мне вспоминаются
Зеленые Сокольники...
Мы, одногодки,
Тоненькие школьники...

Нас жизнь звала
За светлое бороться,
Страна цвела,
Как щедрый сад под солнцем.
А через щели
Слухи доходили
О лагерях
В заснеженной Сибири...

Мы многого тогда не понимали,
При ясном солнце
Ходишь, как в тумане.
И так легко
На все махнуть рукой:
«Не разберешься!
Сложный век такой!»

Я знал парней,
Что спорные вопросы
Сдували, словно пепел
С папиросы.
У них на танцах
Стоптаны ботинки,
В портфелях, как наркотики,
Пластинки.
Лишь деньги — «шайбочки» —
Они в душе ценили,
И «все до лампочки!»
Они, смеясь, цедили...
Ну что с них взять?
Ничтожества!
Бог с ними!
Мои друзья,
Вы были не такими.
Мои друзья,
Всех лучших книг читатели,
Вы были все
Романтики, мечтатели.
Вы прямо с детства
Закаляли в школе
Соколье сердце,
Воинскую волю.
И каждый был,
Как шпагой, опоясан
Той фразой:
«Гражданином быть обязан!»
Вам петь хотелось
Вольно и раскованно,
Вам жить хотелось
Смело и рискованно,
Чтоб в бой за правду
Грозною громадой,
Чтоб пасть с гранатой
Где-то под Гренадой!..

Где пали вы?
В каких полях немецких?
Мне школьных лет
Почти что вспомнить не с кем.
Где ты, Чернов?
Где ты зарыт, Чехалин?
Сошлись бы вновь...
Стихи бы почитали...
Вы поняли б,
О ком я речь веду,
Вы вспомнили б
Володьку Коляду...

III

Мне тошно, если кто вокруг
Лукавит иль виляет,—
Володька был железный друг,
Железней не бывает!

Он был такой: за правду — в бой,
Без всякой проволочки.
Он шел — как поезд — по прямой,
От точки и до точки.

Впрямь как Рахметов, женский пол
Он отрицал безжалостно,
Он резал: отойдите, мол,
Девушка, пожалуйста!

Имел он слишком строгий нрав,
И в глубь земли сырую
Ушел он, так и не узнав
Сладость поцелуев.

Зато изведал он вполне
Ту гордость страстотерпца,
Когда любовь к родной стране
Переполняет сердце.

Я знал: ему важней всего,
Чтоб видеть край свой в силе,
Чтоб нищего ни одного
Не отыскать в России,

Чтоб стихли дымные ветра,
Чтоб веком правил разум,
Чтоб силы правды и добра
Торжествовали разом!

...Вся школа обходилась с ним
Почти благоговейно
За то, что мог он объяснить
Любой закон Эйнштейна.

Он знал, что мистер Резерфорд
Бомбардирует атом,
И, значит, ждал, лобастый черт,
Что будет в сорок пятом!

Ну что ему? Семнадцать лет!
Но, мудрость обнаруживая,
Как седовласый Архимед,
Он мастерил оружие.

Я помню, комната его,
Как склад, была забита
Железом, серой, кислотой,
Осколками карбида.

Он порох свой изобретал
И гулко на рассвете
Стрелял сквозь форточку, стрелял
Так, что тряслись соседи.

Был шум и крик. Притом какой!
Когда же, мол, смирится он?
И — неизбежный протокол
И вызовы в милицию.

Володьку уводили вдруг
Под бдительным конвоем,
Но гордо он глядел вокруг,
Как непокорный воин.

А там — полковник...
Шрам на лбу...
(Видать, бывал в «аварии»!)
— Ты для чего ведешь стрельбу?
— Для укрепленья армии!

Полковник хмуро стал шагать...
— Ну, что ты нос повесил?
За что ж тебя, брат, штрафовать?
Ступай домой, «профессор»!

И снова он весь дом будил
Внезапной дрожью окон,
И снова в школу приходил
Весь в шрамах и ожогах,

И в школьном тире каждый день
С настойчивостью четкой
Дырявил пулями мишень —
Фигуру с черной челкой.

IV

Как в памяти держится
строго и цепко
Все то, что, казалось, исчезло,
как тень!
Я помню, мы с другом шатались
по центру
В какой-то хороший, сияющий
день.

Сверкали бульвары, кафе,
магазины,
Искрилось в витринах цветное
стекло.
А вместо лимонов и апельсинов,
Казалось мне, солнце в продажу
пошло.

Как краскою пахло в газетных
киосках!
Смешливая женщина мыла окно.
И — сплошь в шестимесячных
модных прическах —
Бежали девчонки... Наверно,
в кино...
И вдруг
(Это даже припомнить-то
странно!),
Играя визгливым сигнальным
рожком,
Проплыл по Москве лимузин
с иностранным —
Да что там!— с германским,
с фашистским флажком!..

Весь черный. Какой-то угрюмый.
Блескучий.
Отполированный до синевы.
Он врезался темною, пасмурной
тучей
В нарядную нежность веселой
Москвы.

Он нам показался непрошеным
гостем,
Он резкою болью глаза нам ожег.
Как будто скрещенные мертвые
кости,
Нес черную свастику острый
флажок.

Машина застыла на шумной
Неглинной.
Проворный шофер распахнул
лимузин,
И два с четкой выправкой
господина
Прошли в ювелирный большой
магазин.

Стояли, копались в камнях
драгоценных,
Друг другу с улыбкой цедили
слова,
И явно сквозило в их лицах
надменных
Сиянье злорадного торжества.

О, как нам хотелось рвануться
навстречу,
Тяжелые камни схватить
с мостовой,

И пусть бы взвились они первой
картечью
Над вражьей надменною головой!

Володька был смелый! С ним
не до шуток!
Ему только правда была дорога!
Вот так же
всего через год
с парашютом
Он прыгнул десантником в тыл
врага.

Он весь был
Гражданственность и решимость.
И, словно вступаясь, как сын,
за Москву,
Он ринулся к черной посольской
машине:
— Я эту свастику к черту сорву!

Но тут же угрюмо шагнул обратно
И лишь прорычал на басовой
струне:
— Нет! Я на такое не имею права:
Я против анархии в нашей стране!

Пред нами стоял откровенный,
буквальный,
Отчетливый призрак грядущей
войны.
А мы, очевидцы, брели по
бульвару
С чувством растерянности и вины...

V

...В те дни я стал встречать людей
Под цвет любому тону,
Порой «летучесть» их идей
Подобна ацетону.

Я помню, нам читал доклад
Какой-то бойкий лектор.
О, как он тщился вжиться в лад
«Текущего момента»!

Он звал «расширить горизонт».
Рукой ероша проседь,
Привычный нам призыв «Рот
фронт!»
Он призывал отбросить.

К чему, мол, лозунг: «Класс —
на класс»? —
Ведь мы ж не «ортодоксы»!
Везде один и тот же джаз,
Одни и те же «фоксы»...

О, лучше память не тревожь!
Кровь стыла в нас, в ребятах,
За ту кощунственную ложь
В словах его, в цитатах.

Мы не успели позабыть
Мадрид и Барселону!
А он — давай мозги кроить
По новому фасону!

Выходит, сам решать не смей?
А если впрямь задело?
«Есть головы умней твоей,
И не твое тут дело»?!

Ах, как я помню Коляду,
Как он молчал в апатии,
Учуяв издали беду
Вернее телепатии!

Не смог себя он побороть.
И вдруг в разгар доклада
Всадил: — Не надо чушь пороть!
Не надо врать! Не надо!

Он весь рванулся, напряжен,
В глазах — одна отвага!
Как вырванная из ножон
Трепещущая шпага!

Смущенные учителя
Шептали: — Сядь! Подумай!
Ведь это же не повод для
Дискуссий и для шума!

А он свое: — Доклад весь лжив!
Мы — за ненападенье!
Но чтоб с врагами в дружбе
жить —
Ошибочное мненье!

...И вот за год до той беды
Вопрос решала школа
Об исключенье Коляды
Из членов комсомола.

Кому-то было не понять:
Чего Володька хочет?
Пойти бы лучше погулять,
Послушать патефончик...

А кое-кто у Коляды
С трибуны видел ясно
«Болезнь опасной слепоты»,
«Общественно опасной»!

А он, издерганный вконец,
С упорством Галилея:
«Поймите! Гитлер же — подлец!» —
Стоял, твердил, бледнея.

VI

Нет!
Не только на одних плакатах
Мощь свою в те дни народ ковал.
Кто-то втайне мастерил локатор,
Кто-то над ракетой колдовал.

Где-то зорко-зорко доктор Зорге
Всматривался в подлые дела,
Где-то стройная москвичка Зоя
Сказочного подвига ждала.

Пограничники ночей не спали,
Сталевары бились за рекорд,
Командиры знали, что едва ли
Выберутся летом на курорт.

Школьники, мальчишки, патриоты,
Понимали: все грозит войной.
Но, видать, и впрямь «бюро
погоды»
Проморгало тучи над страной!

Злобный враг ломился к
Подмосковью!
Дым валил вдоль столбовых
дорог!
Тут уже одною чистой кровью
Мы платили свой гражданский
долг!

Сколько встало в строй
в стрелковых ротах
Мастеров, поэтов, мудрецов!
Шли на смерть, на дула
пулеметов!
«Родина! Прими мою любовь!»

Сколько было подвигов
прекрасных,
Сколько грозных гениев войны!
Знать, не только для солдатских
касок
Были эти головы годны!

Шли и шли, сжимая автоматы...
«До свиданья, друг мой Коляда!»
Строго у дверей военкомата
Мы с тобой простились навсегда.

Нет тебя сегодня с нами рядом.
Мне стихи твои не дописать.
Где-то пал от вражеских
снарядов
С самолета сброшенный десант.

Даже негде матери скорбящей
Горсть гвоздичек выронить из рук.
Где уснул ты, самый настоящий,
Самый удивительный мой друг?

Только ты не думай: ты не умер!
В нашей школе помнят о тебе!
Сколько я за годы передумал
О твоей особенной судьбе!

Я к тебе прислушиваюсь сердцем,
Чтоб всегда гореть, а не чадить.
Помнишь, мы, как Огарев и
Герцен,
Жизнь клялись Отчизне посвятить?

Помнишь, поклялись мы: ради
правды
В бой идти сквозь самый лютый
шквал.
Ты мне верь: я этой нашей клятвы
В жизни никогда не забывал.

VII

Года, как лайнеры, плывут,
Как тепловозы, шпарят...
В порывах пламенных растут
И в жизнь вступают парни.

Что надо им? Что надо им?
Чтоб время не стояло.
Чтоб правда светом золотым
Над головой сияла!

Им, этим правильным парням,
Не терпится схватиться
С гнилым мирком, что двум богам
Всегда готов молиться.

О сложный век! Одни горят,
Мечтают, строят, пашут.
Другие только есть острят
Да ловко твисты пляшут.

И так обидно (хоть кричи!),
Когда вдруг патриота
Насмешливые трепачи
Опять берут «в работу»!

Но только так лишь стоит жить,
Чтоб не скользить по-рыбьи
И чтоб Отчизне посвятить
Прекрасные порывы!

ПО СЛЕДАМ ВОЙНЫ

Люди встречаются с войной по-разному. Одни идут на передовую в маршевых ротах и сразу же, с ходу попадают в свой первый бой. Другие привыкают к огню постепенно. Герои книги, о которой я сейчас пишу, встречаются с войной не совсем обычно. Они идут не навстречу ей, а по ее следам. И настигают ее на тех дорогах, по которым она уже давно прошла. Одиннадцать советских десантников сброшены с самолета глубоко в тылу у немцев, где-то в синь-озерских лесах. Было это на исходе ночи. Перед рассветом.

«Рассвет приближался медленно и трудно. Из мглы выходили ближние, потом дальние помутневшие пни с сорочьей березовой корой, словно чья-то щедрая рука разбросала огромные караваи. Прохладный свет медленно заливал вырубку, ложился на уже видневшиеся впереди бородатые ели, на сосны, и возле них, как остатки мрака, еще держалась пепельная тень. Убывающая ночь раскрывала лес. Ветер, сырой и скрипучий, выбрасывал кипящие, как волны на гребне, вершины, будто натужно выносил деревья на открытое место вырубки...».

Есть у книги «Птицы поют на рассвете» принципиально важная удача. Рассказывая о парашютистах-десантниках, автор совсем не стремится поразить нас сюжетными необычайностями. Во всем, что происходит, настойчиво бьется главная мысль писателя: война не только ратный подвиг, но и ратный труд. Тяжелый. Нечеловечески трудный. Требующий ежечасного, ежеминутного напряжения всех физических и нравственных сил. Труд, который сам по себе уже является подвигом.

« — Война, черт дери, самая трудная работа. И сапоги — штука номер один. После автомата...».

Так говорит один из главных героев книги — комиссар десантного отряда Ивашкевич. Фраза эта звучит почти афористично. Ей веришь потому, что это не плод умозрительных разглагольствований досужего философа, а результат горьких и трудных испытаний, через которые автор ведет нас вместе со своими героями по всей книге.

Более всего, думается, удался писателю главный герой повести — командир отряда чекист Кирилл Орловский. Когда-то Я. Цветов уже писал о нем. Это было в книге, которая так и называлась: «Повесть о Кирилле Орловском». Автору удалось соединить в один сплав действительные события и художественный вымысел. В новой повести он показывает героев в труднейшую пору их жизни и жизни государства — на войне. Вот уж где человеческая сущность обозначалась наиболее четко! И герои повести выдержали это великое испытание.

«Птицы поют на рассвете» — произведение не документальное, хотя у многих его героев имеются прототипы, реальные люди, и многие из них, как и главный герой повести, выведены под своими именами. На страницах книг советских писателей все чаще появляются невымышленные герои. Герои, взятые в самой жизни. Добрая примета времени.

Хочется думать, что у этой книги будет долгая, активная жизнь.

Сергей ОСТРОВОЙ

Яков Цветов. Птицы поют на рассвете. Повесть. Воениздат. Москва. 1965.

Свадебный кортеж.

В АРДОНЕ СВАДЬБА!

Марат ЦЕБОЕВ

Фото Риммы ЛИХАЧ.

Сегодня в Ардоне три свадьбы. Каждый год, когда собран урожай, начинается сезон свадеб. В эти осенние, прозрачно-золотистые дни улицы селений часто заполняются шумной, веселой, нарядной толпой, в домах звучит музыка, появляются свадебные кортежи — едут на машинах, на лошадях, идут пешком. Свадьбы в Осетии празднуют, соблюдая традиции. В эти дни надевают нарядные национальные одежды, гости несут подарки: три пирога, курицу, домашнее пиво... А потом уж дари, что твоей душе угодно! Поются свадебные песни. На самые почетные места усаживают старейших из семей новобрачных.

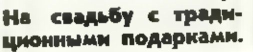
Первый тост поднимают старейшие.

Сегодня семья Дзгоевых выдает

Мясо варят прямо в саду.

На свадьбу с традиционными подарками.

— А вот в наше-то время...

замуж Светлану. Светлана стала горожанкой, она работает в магазине культтоваров. Ее жених Елкан Белигкати из селения Дарг-Кох тоже работает в Орджоникидзе. Он тренер, мастер спорта. Верные традициям, они приехали к родителям отпраздновать свою свадьбу.

...Здесь каждый гость — желанный гость. И поэтому во дворе Дзгоевых шумно и многолюдно. Пока старики вспоминают о прошлом, молодые танцуют, поют, юноши пробуют свои силы в национальной борьбе, гарцуют на лошадях.

— Ос-са! — несется из круга танцующих.

Этим восклицанием издавна осетины во время танца славят женщину. Это — живое слово. До сих пор в языке западных осетин (дигорцев) оно означает «женщина».

Стайка детей с криком: «Едут! Едут!» — вкатилась во двор. Раздался весьма нестройный хор автомобильных гудков, которые, очевидно, заменяют традиционную пальбу из ружей и пистолетов.

Сейчас здесь старший из фамилии Белигкати — самый главный авторитет. Ему предстоят переговоры с родственниками невесты, он должен наблюдать за молодежью.

Танцы и веселье прерываются. Старики усаживаются за столы. В торжественной тишине поднимают они огромные турьи рога с прославленным осетинским пивом.

— Добро пожаловать, дорогие гости! — произносит старейший из рода невесты.

— Пусть счастье и здоровье не покидают хозяев дома, встретивших нас с почетом! — отвечает старший из гостей.

Пьют за счастье молодых, за новую семью, за дружбу поколений. Пьют строго по старшинству.

Старейший из гостей от имени всех приезжих наливает полные бокалы женщинам, которые трудятся на кухне. Это давний обычай

Певец осетинского народа Коста Хетагуров писал: «Если появление старика везде и всюду поднимает на ноги сидящую толпу, то тем более эта толпа обязана встать при виде старухи. До каких бы пределов ни дошло опьянение пирующих мужчин, как бы развязно ни вела себя компания молодежи, как бы сильно ни было ожесточение ссорящихся, дерущихся и сражающихся, — одно появление женщины обуздывает буянов, останавливает и прекращает кровопролитие. Двусмысленное слово в присутствии женщин, неосторожное движение во время танцев, непристойная развязность с девушкой вооружают против провинившегося всю молодежь».

Эта замечательная традиция — уважение к старшим и женщине — сохраняется в народе.

...Светлану выводят с песней. Затем появляется и жених. А по старому обычаю жених и невеста не должны были в день свадьбы видеть друг друга.

Продолжается праздник в доме жениха в селении Дарг-Кох. И здесь новобрачных встречают огненными танцами и песнями.

— Ос-са! — лихо звучит над селом.

В Осетии танцуют и стар и млад. После почетного танца невеста выполняет старинный трогательный обряд: берет миску с медом и маслом и раздает их чайными ложками старым женщинам...

— Пусть запах масла всегда идет из твоего дома, а жизнь твоя пусть будет сладкой, как мед! — желают ей женщины.

А танцы и пение продолжаются. Веселье в разгаре. И еще несколько вечеров будут приходить в этот дом гости и радостно праздновать появление новой семьи.

Мир вам да любовь!..

— Ос-са! — несется над селом.

Невесту вводят в дом жениха.

Молодая чета.

Здесь жил Ленин

Гр. АЛЕКСАНДРОВ,
кинорежиссер

1

В нашей стране каждое место, связанное с Лениным, каждая ленинская вещь любовно сберегаются, охраняются, отмечаются мемориальными знаками. В Швейцарии, к сожалению, только на одном доме улицы Шпигельгассе, № 14, в Цюрихе, установлена мемориальная мраморная доска. Она гласит:

«Здесь жил с 21 февраля 1916 по 2 апреля 1917 года Ленин, вождь русской революции».

Еще в 1929 году вместе с режиссером С. М. Эйзенштейном и оператором Эдуардом Тиссэ мы снимали первый швейцарский фильм «Женское счастье — женское несчастье» и мечтали о том, чтобы создать фильм о Ленине в Швейцарии...

На первом снимке рядом с нами, советскими кинематографистами, вы видите двух плотников из Гамбурга в их профессиональной форме. Они пришли сюда почтить память Ленина.

В доме этом была последняя швейцарская квартира, вернее, комната, Владимира Ильича. Он уехал отсюда 2 апреля 1917 года.

«На прощание,— рассказывал его квартирохозяин, сапожник Каммерер,— я пожелал ему счастья и сказал: «Надо надеяться, что в России вам не придется так много работать, как здесь, г-н Ульянов!» Он произнес задумчиво: «Я думаю, г-н Каммерер, мне придется работать в Петрограде еще больше!»

— Иу, ну,— ответил сапожник, — больше, чем здесь, вы, так или иначе, не сможете писать!.. А найдете ли вы там сразу комнату? Ведь там, наверное, сейчас жилищный кризис?!.

— Комнату-то я получу в любом случае,— сказал г-н Ульянов,— только я не знаю, будет ли она такой же тихой, как ваша, г-н Каммерер!

После этого он уехал».

Осенью 1963 года мне довелось познакомиться с фрау Хаупт, которой в 1917 году было 11 лет. Ее родители имели рядом с домом № 14 продовольственную лавочку; Н. К. Крупская ежедневно покупала продукты у ее матери. В. И. Ленин также заходил часто в лавочку и беседовал с хозяевами о ценах на хлеб и продукты питания. А когда Ленин и Крупская уезжали в Россию, то подарили фрау Хаупт две картины — «Тройка зимой» и «Тройка летом».

Эти картины, как заверял нас сын Каммерера Адольф, Ульяновы привезли с собой из России. Интересно было бы узнать подлинную историю этих «Троек».

А напротив дома, в котором жили «Ильичи», живут и ныне бывший проводник международного вагона, курсировавшего между Цюрихом и Владивостоком, Лохман и его жена. (Фото № 3).

Будучи членом социал-демократической партии Швейцарии, Лохман помогал русским эмигрантам и возил пакеты и письма, доставляя их на станции Транссибирской железной дороги. С Владимиром Ильичем Лохман познакомился во время одного из приездов Ленина в Швейцарию. В 1916 и 1917 годах Лохман неоднократно возил в Россию пакеты Ленина и привозил ему ответы.

А вот еще один подарок, оставленный в Швейцарии: тульский самовар, который мать Крупской, Елизавета Васильевна, возила с собой. За этим самоваром часто велись важные заседания и дискуссии большевиков. Уезжая из Швейцарии, Ульяновы подарили этот самовар Фрицу Платтену. Когда Фриц Платтен уезжал в Москву для работы в Коминтерне, он подарил самовар редактору бернской социал-демократической газеты «Бернер Тагвахт» Фогелю. Платтен и Фогель — члены исполкома социал-демократической партии Швейцарии — были друзьями, единомышленниками. Теперь этот самовар находится у вдовы Фогеля. Мы сделали этот снимок на бернской квартире Ленина, по улице Дистельвег, № 11, в комнате, где жил он в 1914 году. (Фото № 2).

На рабочей окраине Женевы Сешерон еще недавно стоял домик. Советским кинематографистам удалось снять его. Здесь В. И. Ленин и Н. К. Крупская длительное время жили и работали. Здесь был центр политических дискуссий, собраний, встреч; здесь В. И. Ленин редактировал «Искру». Сюда приезжали из России товарищи после побега из ссылки или тюрьмы. Здесь готовился II съезд РСДРП.

У Ленина часто собирались его соратники, и можно было из этих окон слышать дружное пение «Интернационала» или «Варшавянки». Люди, тоскующие по родине, пели «Дубинушку», «Славное море — священный Байкал» и многие другие русские песни... (Фото № 4).

В дни отдыха Ленин любил бродить по Швейцарии. «Мы вообще насчет гуляний не промах»,— писал Владимир Ильич. Профессиональная революционерка Мария Эссэн побывала с Ульяновыми в Шильонском замке и записала: «Доехали на пароходе до Монтрё... Я настраиваюсь на высокий стиль и уже готова декламировать Шекспира, Байрона. Смотрю на Владимира Ильича. Он сидит, крепко задумавшись, и вдруг выпаливает:

5

6

7

2

3

4

«А здорово гадят меньшевики!..»

Отправляясь на прогулку, мы условились не говорить о меньшевиках, чтобы «не портить пейзажа». (Фото № 5).

В Швейцарии еще живы люди, которые жили рядом с Лениным, работали с ним. 88-летний Эдди Майер живет сейчас в Цюрихе, на Нептунштрассе, дом № 18. Свое 80-летие он справлял в Москве, приехав к нам по приглашению Института марксизма-ленинизма. Когда мы с Н. С. Кузановым снимали его, он показал нам множество интересных исторических фотографий ленинских времен. (Фото № 6).

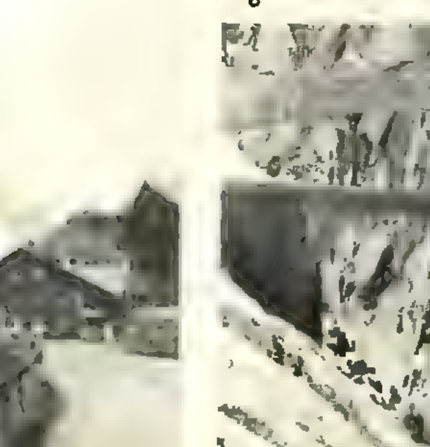
А 86-летний крестьянин Риттер пришел издалека, чтобы рассказать нам, как он обслуживал Кинтальскую конференцию в качестве рабочего — расставлял мебель, носил вещи и книги. Риттер помнит, что Владимир Ильич просил его петь народные швейцарские песни, которые ему чрезвычайно нравились. (Фото № 7).

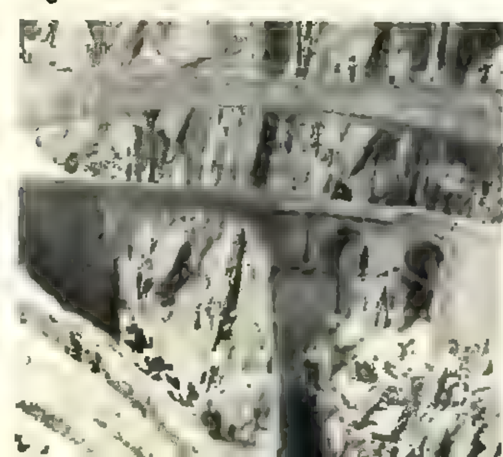
Когда Ленин выезжал в Итальянскую Швейцарию, его путь лежал через Сен-Готардский перевал, через «Чертов мост». Это суровые места. Здесь воздвигнут монумент в честь доблестных сподвижников Суворова... (Фото № 8).

* * *

Тот, кто захотел бы побывать в ленинских местах в Швейцарии, должен сделать более пяти тысяч километров по железным и шоссейным дорогам, велосипедным тропинкам и пешим маршрутам маленькой страны. Цюрих и Женева, Берн и Базель, Флумс-Альпы и Мон-сюр-Бекс, Люцерн и Корсье, Ронко и Аскона, Верлеглиз и Соренберг, Циммервальд и Кинталь... Все эти места исторические: Ленин выступал здесь или с докладом перед швейцарскими рабочими, или с лекцией перед студентами; здесь устраивались партийные совещания, конференции, заседания; издавались большевистские газеты, печатались книги, происходили встречи и беседы Ленина с людьми революционной России и Европы...

8

ВСПОМИНАЯ ПОЭТА

Лев СЛАВИН

Багрицкому было бы сейчас семьдесят лет. Он не прожил и сорока. Он умер в расцвете своего таланта, не успев свершить всего, что мог. Но и то, что успел сделать, вошло большим вкладом в богатство русской поэзии.

Когда я вспоминаю Багрицкого таким, каким я его увидел впервые, я вижу высокого юношу, худого, даже костлявого. Толстая косая прядь русых волос почти до глаз. Глаза, серые, круглые, почти всегда веселые, по-птичьи зоркие, и самая посадка головы чуть набок делали Багрицкого похожим на большую, сильную, благородную птицу.

Восстанавливаю в памяти облик Эдуарда, и возникает не только его наружность, его повадки. Мне лично всегда казалось, что эта зоркость и сила и словно постоянная готовность к большому полету — все это было физическим воплощением душевных качеств поэта.

Багрицкий вырос в весьма прозаической обстановке. То были низы городского мещанства. Поэзия в этих местах и не ночевала. Не возникало там и социального возмущения. Это была нищета, пропахшая мещанским духом, нищета покорная и завистливая. Она видела только одно средство ликвидировать свою экономическую и сословную униженность — разбогатеть! Любым способом — выиграть, получить наследство, удачно спекульнуть, украсть!

Талант Багрицкого на первых порах формировался на чувстве отталкивания от этого удушливого, обывательского окружения. Когда пришла Октябрьская революция, Багрицкий встретил ее восторженно, потому что она звала на последний бой с этим духом наживы и приносила с собой такие высокие романтические идеалы, что на них тотчас радостно отозвалось все то мужественное и пламенное, что всегда жило в натуре Эдуарда.

Он до конца пронес это светлое юношеское чувство. Тема единоборства двух стихий — мещанина и поэта — все время повторялась в его поэзии. Да и не только в поэзии.

Помню, уже в последние годы своей жизни он с презрением отзывался об одном человеке, которого считал классическим собранием всего пошлого, стяжательского. Он говорил, пародируя стиль научной лекции:

— Можно считать вполне доказанным, что гипертрофированное увлечение материальными благами является главным интересом и основным содержанием жизни не только, как это принято считать, у работников торговой сети, но и у некоторых работников литературной сети.

Когда кто-то более снисходительный заметил, что это прискорбные, но, увы, до поры до времени неизбежные пережитки капитализма в сознании, Эдуард вскипел:

— Почему в сознании? В барахле! С сознанием у него как раз все в порядке. Меньше, чем на мировую революцию, он не согласен. Но вы посмотрите на его коллекцию золотых часов!

Это, конечно, не было спором: Багрицкий понимал не хуже своего собеседника, что корни мещанства именно в отсталости, в косности сознания. Но, как всегда в споре, аргументация Эдуарда выливалась в форму острой (иногда ошеломляющей по остроте) образности. Коекого на первых порах обманывала его эксцентричная манера выражаться, благодаря которой иные склонны были считать Багрицкого чудаком, богемой, циником. А ведь, в сущности, он был простым, искренним и скромным человеком. Он был похож на свой родной город, Одессу, у которого тоже есть репутация легкомысленности и который во время войны стал городом-героем.

Во время обороны города одесситы прокатили по улице отбитую у фашистов пушку, на стволе которой они сделали надпись:

«Она стреляла по Одессе. Больше стрелять НЕ будет».

Такую надпись мог бы сделать Эдуард. Это его веселый и мужественный стиль.

Когда узнаешь, что защитники Одессы строили самодельные танки на базе трактора «ЧТЗ» и сами прозвали эти танки «Н. И.», то есть «На Испуг», то узнаешь и в этом веселый и мужественный дух Багрицкого.

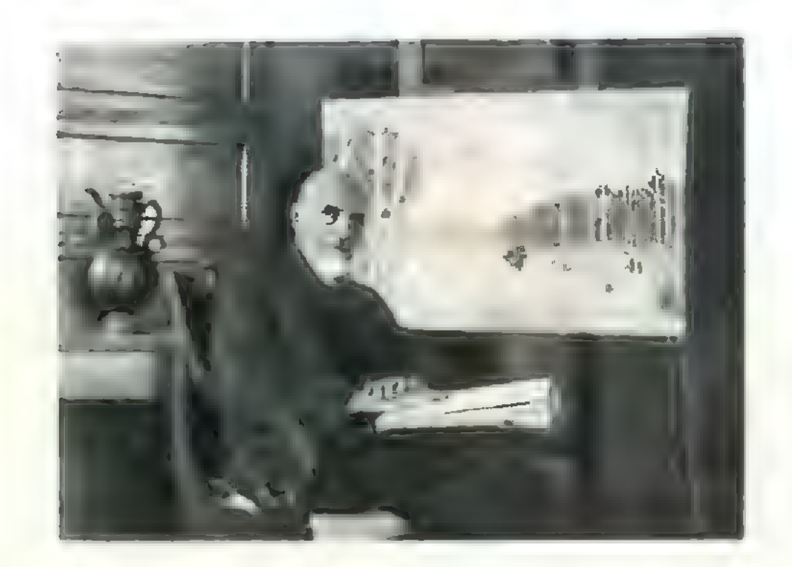
Более тридцати лет назад Багрицкий писал в одной из своих немногих статей:

«Сейчас вырабатывается новый тип поэта — поэта-ученого, поэта-общественника. Наша общественность должна прийти на помощь для выработки такого типа. Она должна как можно теснее связать поэта с производством, направлять его в экспедиции, вводить в клиники и лаборатории. Мы, поэты, должны биться за первенство своего искусства. Мы должны в корне перестроить мнение о поэте-богемце. От нас должна начаться новая традиция».

Я сказал бы, что эти мысли Багрицкого звучат вполне современно и сегодня.

Он был человеком огромной поэтической культуры. Можно сказать, что не было такого русского поэта, не было таких стихов, которые Багрицкий не смог бы прочесть по памяти, начиная от Ломоносова и кончая Смеляковым. При этом, воспитывая поэтическую молодежь, он не переставал всю жизнь и сам учиться. Хотя он начал рано и быстро достиг мастерства и известности,— он стал широко, всесоюзно известен еще в середине двадцатых годов — талант его не переставал шириться, приобретать новую глубину и отточенность.

«Жизнью своей,— пишет Бабель в своих воспоминаниях об Эдуарде Багрицком,— он говорил нам, что поэзия есть дело насущное, необходимое, ежедневное».

СЫН МОСКВЫ

Когда смотришь картины Юона, слышишь музыку Мусоргского.

Незадолго до Великой Отечественной войны Большой театр поставил «Хованщину». Когда открылся занавес и зазвучала удивительная, хватающая за сердце оркестровая увертюра Мусоргского и зритель увидел рассвет на Москве-реке — величавые купола древних соборов, озаренные багрянцем восходящего солнца, краски утреннего неба, всю московскую, русскую, необъятную ширь,— огромный зал разразился овацией: так слитны, едины оказались музыка великого композитора и декорации Константина Федоровича Юона. Как будто они работали вместе! Как будто сидели рядом — один за мольбертом, второй — за нотной тетрадью, обмениваясь впечатлениями, создавая нечто спаянное, неотделимое одно от другого!

С тех пор прошло четверть века, но это впечатление не погасло, не стерлось в памяти.

Что же роднит их — композитора и художника, в чем корень этого, почти волшебного слияния звука и краски? Любовь к России, к родной истории, бурной и тревожной, к ее людям с их широкой душой, к ее природе, полной невыразимой прелести, к русской своеобычной культуре — вот где первопричина этого единства.

Национальное в своем лучшем выражении всегда интернационально, общечеловечно, принадлежит всем людям земли. Безликое, безнациональное космополитично, не принадлежит никому. Юон со своим творчеством дорог всем, ибо он певец России, так же, как дорог всем, скажем, Курбэ потому, что он певец Франции.

В творчестве Юона отчетливо прослеживаются влияния Сурикова, Архипова, Левитана и особенно Серова, но при всем этом он остается самим собой — и похожим и непохожим на своих учителей. Если у Серова в центре его творчества — духовная жизнь человека, то Юон акцентирует приподнятую красоту пейзажей, архитектуры, народного быта. Но эта приподнятость отнюдь не фальшива — она происходит от светлого, возвышенного восприятия художником всего окружающего. Он как бы говорит нам: смотрите, как красива Россия! И мы верим ему, ибо это правда, которую мы ощущаем сами. Ему навсегда запомнилась любимая поговорка Серова, которую тот часто употреблял, беседуя со своими учениками: «В России жить, так уж русским и быть».

Константин Федорович Юон родился и вырос в Москве. Его детские впечатления связаны с одной из старинных окраин Москвы — Лефортовом, где когда-то жил любимец Петра — красавец и умница Лефорт. В своем «Автобиографическом очерке» художник пишет: «Лефортовский дворец и парк с гротами, мостиками и руинами екатерининских времен, с беседками 20-х годов прошлого века, древний Дворцовый мост через Яузу, на которой молодой Петр строил свои первые ботики, бывшая Немецкая слобода с древней церковью петровской архитектуры, Преображенская площадь, место, где находилось село Преображенское, Анненгофская роща и др.— все это дышало историей и питало молодое воображение».

Навсегда полюбил художник Москву, ее старину, ее древнюю и новую красу, природу Подмосковья с ее пленительными, нежными красками, с ее тихими, светлыми зорями и медленно гаснущими закатами, и любовь эту он пронес через всю свою долгую жизнь.

Художник много путешествовал и по России и за границей. Он долго и внимательно изучал работы французских импрессионистов, нравившихся ему своей привязанностью к свету и цвету, как он сам выразился, «высветлением палитры и изображением свето-воздушной среды в ее постоянной изменчивости». На Южном Кавказе он настойчиво искал «экзотических впечатлений». Но никакие экзотические впечатления не могли увести его в сторону от любимой, раз навсегда избранной дороги. В своей автобиографии он написал: «... задним числом и опытным путем я понял и осознал свою привязанность и нераздельность со средней и северной Россией, с ее мерцающими, красочными восходами и закатами солнца, с ее чудесной пестротой раскрашенных городков и домиков, с ее просторами и привольем. Меня повлекло назад, как в новую обетованную землю, но уже сознательно и убежденно».

Картины Юона можно сравнивать с песнями. Они и возникают в сознании — вольные, раздольные русские песни, когда смотришь его картины, насыщенные движением, солнцем, игрой красок. В прямом родстве и с народным творчеством — богородскими игрушками, торжокскими вышивками, вологодской деревянной резьбой — находятся картины Юона. Художник непосредственно вбирает в себя все создаваемое народом. Отсюда и возникает та несравненная живописность, какая присуща его палитре.

Посмотрите на картину «Весенний солнечный день»— одну из многочисленных картин Троицко-Сергиевского цикла. Все сверкает и поет в ней — платки посадских девиц, купола лавры, мартовские ручейки; обыкновенный петух, одетый в золото, выглядит пышным вельможей; мальчишки, катающиеся с горок, визжат от удовольствия — вы это отчетливо слышите. Вы слышите явственно и радостный грачиный грай с берез, еще голых, но уже с налившимися почками, а надо всем — голубое весеннее небо с облаками, похожими на лебедей. Русская красота!

Всмотритесь внимательно в картину «Купола и ласточки»—какой простор вокруг и как весело становится на душе от этих зеленеющих неохватных далей и от ласточек, реющих на фоне утреннего, пронизанного взошедшим солнцем неба.

У Юона нет серых, тоскливых пейзажей. Он любит солнце. Недаром он называл его своим неизменным патроном. Даже в картине «Утро индустриальной Москвы», где на первом плане дымные корпуса заводов, вы видите светлые облака, подсвеченные багрянцем восхода. И в символической картине «Новая планета» опять-таки в центре — солнце и рядом с ним еще несколько солнц — в громе и огне, в нестерпимом их сиянии рождается новая жизнь, новая земля. Палитра Юона неотделима от солнца, что бы он ни писал: «Раннюю весну», «Соловьиное место» или «Парад на Красной площади» и «Первомайскую демонстрацию».

Сотни картин, тысячи этюдов и эскизов, разбросанных более чем в семидесяти музеях нашей страны, находящихся у частных лиц у нас и за рубежом,— до сих пор нет возможности составить полный список работ Юона. Работал он много, напряженно, не расставаясь с кистью до конца своих дней. Его декорации для оперных спектаклей, для постановок пьес Гоголя, Островского, Горького остались в наследство как произведения подлинного искусства. Шаляпин, приобретя несколько эскизов к «Борису Годунову» кисти Юона, восторженно написал Горькому:

«...Экая прелесть, ей-богу,— талантливый парень, черт его заласкай!»

Он был не только первоклассным художником, но и отличным педагогом: через его студию прошло более трех тысяч человек. Один из учеников Юона, Ватагин, писал ему: «Вы указали мне художественную точку зрения, помогли выработать художественное мировоззрение — если во мне есть художник, его возникновению я обязан Вам».

Встретив Великую Октябрьскую революцию сложившимся 42-летним мастером, он свое искусство отдал целиком народу, продолжая свое подвижническое служение Родине и ее красоте.

Картины Юона не только воспитывают в нас высокое чувство прекрасного. Они дороги нам прежде всего тем, что в каждой из них звенит золотом и переливается в могучие звуки великолепное слово:

— Россия!

Ник. КРУЖКОВ

К. Юон.
1875—1958.

УТРО ИНДУСТРИАЛЬНОЙ МОСКВЫ. 1949. Государственная Третьяковская галерея.

НА ОБОРОТЕ ВКЛАДКИ: К. Юон. ВЕСЕННИЙ СОЛНЕЧНЫЙ ДЕНЬ. СЕРГИЕВ ПОСАД. 1910. ▶
Государственный Русский музей.

НОВАЯ ПЛАНЕТА. 1918. Государственная Третьяковская галерея.

К. Юон.
КУПОЛА И ЛАСТОЧКИ.
1921.

Государственная

Третьяковская галерея

НАЧАЛО ВЕСНЫ. 1935.

ДОЛГОЖДАННОЕ СВИДАНИЕ

Небольшой «мерседес» свернул с бетонного шоссе на узкую асфальтовую дорогу, ведущую к морю, и вскоре остановился на берегу бухты. Из машины вышли двое, оба в одинаковых темных костюмах. Тот, что вел машину, был среднего роста, плотный. Лет под пятьдесят. Черные с проседью волосы причесаны на косой пробор. Второй — высокий, худой и светловолосый. И намного моложе.

Оставив машину с открытыми дверцами, двое пошли к берегу: черный — впереди, блондин — сзади. У деревянного пирса они остановились. Черный поглядел на часы. Было десять. Утро стояло ясное. Солнце, забравшееся уже высоко в безоблачное небо, жарко грело их спины.

— Если все в порядке, должны скоро быть,— сказал блондин.

Черный кашлянул в кулак, но не отозвался. Он, прищурясь, глядел туда, где четкая межа отделяла стеклянно отсвечивавшую гладь залива от темной, взъерошенной громады открытого моря.

— Виктóр радуется,— снова нарушил молчание блондин.

На этот раз черный разжал губы:

— Брат...

Но словоохотливого блондина его тон не смутил.

— Мало ему хлопот и нахлебников... Думаете, этого оставят в системе?

— Монах любит Виктóра... А его брат знает теперь Советский Союз лучше, чем все ваши умники во главе с божьим одуванчиком... И вообще довольно об этом.

Они ждали и смотрели. И вот из-за мыса показалось маленькое судно. Оно вошло в бухту и нацелилось на пирс.

Катер с низкой, зализанной рубкой пересек бухту на полном ходу и лишь у самого пирса резко убавил скорость. Буруны вскипели за кормой. Скрипнув обшивкой по сухому дереву, катер прильнул к пирсу. Человек в полуматросском одеянии вспрыгнул на дощатый помост, накинул петлю швартова на столбушок, обточенный в форме кнехта.

Двое на берегу не двинулись с места.

На пирсе появилась фигура человека в морской фуражке. Это был капитан катера. Под мышкой он держал небольшой матово-серебристый мешок.

Приблизившись, капитан козырнул ожидавшим. Он был не молод и выглядел уставшим.

— Их двое,— сказал капитан.— Меня обнаружило пограничное судно. Стреляли.

На катере происходила какая-то возня. Черный спросил:

— Чего они тянут?

— Один ранен. Кажется, тяжело...

В это время из катера на белые доски пирса выбралась группа, выглядевшая странно в ярком свете солнца, заливавшего безмятежно тихий залив. Двое, стоя по бокам, поддерживали третьего.

Один из этой группы был в шортах и рубахе с короткими рукавами, босой. Другой, в сатиновых шароварах и баскетбольных кедах, еле держался на ногах. Третий был матрос.

Группа медленно двинулась по пирсу. Тот, что в шароварах, обняв двух других за плечи, ступал только на правую ногу, а левую волочил беспомощно, охая и наваливаясь на своих помощников.

Достигнув берега, троица остановилась. Раненый поднял голову. Лицо у него было опухшее, воспаленное. В углах рта запеклись черные сгустки.

— Здравствуйте,— сказал он тихим хриплым голосом.

— Вы Леонид Круг? — спросил черный.

— Да.

— Кто он? — Черный кивнул на Павла.

— Должен был взять посылку,— ответил Круг.— Вышло не то...— Он передохнул, достал из-за пазухи флягу и непромокаемый пакетик, протянул черному и сказал:— Просили передать.

Под оханья Круга они двинулись к машине.

Павел взялся уже за ручку задней дверцы, но черноволосый сказал сердито:

— Ждать!

Затем открыл багажник, вынул скатанный в трубку клетчатый коврик, дал его блондину. Тот расстелил коврик на заднем сиденье и жестом приказал садиться.

...Асфальтовая лента взбежала на бетонное шоссе, и машина резко прибавила скорость. Круг с закрытыми глазами сидел, держа спину прямо, упираясь в мягкую подушку дивана вытянутыми руками. Павел подложил ладонь под его запрокинутую голову.

От ворот к широкому парадному входу вела узкая дорожка, выложенная белыми изразцовыми плитками. Вокруг дачи росли розы. Большой участок был засажен яблонями.

На верхней ступеньке крыльца стояла молодая, гладко причесанная женщина в светлом полотняном платье. Увидев вошедших, она скрылась в доме. Навстречу им откуда-то из-за роз появился высокий человек в клеенчатом белом фартуке и в шапочке с длинным узким козырьком. Он перехватил руку Круга, сменив черноволосого.

По внутренней лестнице поднялись на второй этаж, вошли в большую комнату. Леонида Круга подвели к тахте, и он лег на спину, придерживая руками левую ногу.

Черноволосый исчез, а приблизительно через час явился врач, щеголеватый человек

ПОСЛЕДНЯЯ ОШИБКА РЕЗИДЕНТА

Олег ШМЕЛЕВ, Владимир ВОСТОКОВ

Рисунки О. КОРОВИНА.

Продолжение. См. «Огонек» №№ 38—43.

Черноволосый поправил зеркальце, и Павел почувствовал, что на него пристально смотрят, но сам в зеркальце старался не глядеть.

Часы у Павла остановились, и он не мог определить, сколько времени они ехали. Во всяком случае, не меньше полутора часов.

Затем свернули с шоссе и углубились в лес.

Скоро деревья стали редеть, а потом машина выскочила на огромную поляну, на которой в строгом порядке стояли дачи. Возле одной из них, окруженной высоким забором, остановились.

Черноволосый вышел из машины, нажал кнопку у двери рядом с воротами. Ему быстро открыли, он исчез и не появлялся минут десять. Вернувшись, распахнул заднюю дверцу и сказал как будто бы приветливее прежнего:

— Выходите. Оба.— И помог Павлу извлечь Круга из машины.

Дача была из красного кирпича. Первый этаж имел по фасаду восемь окон, второй был вдвое меньше площадью, а над ним еще возвышалась башенка с ромбовидным маленьким окошком. Крыша — из розовой черепицы.

лет тридцати, с саквояжем в руке. Павел помог Кругу раздеться.

Женщина в полотняном платье принесла эмалированный тазик с водой. Пока врач включал никелированный бокс, гремел иглами и щипцами, мыл руки, она успела сходить вниз и вернуться с ворохом одежды. Павел выбрал себе техасские брюки из тонкого брезента. Они были ему немного длинны.

Осмотрев раны Круга, врач задумчиво посвистел. Потом быстро обработал отверстия, наложил пластыри и сказал помогавшей ему женщине, что надо тут же посмотреть раненого на рентгене и извлечь пулю из правого бедра. Еще он сказал: кости левого бедра, вероятно, расщеплены, ранение тяжелое.

За Кругом была прислана санитарная машина. Его увезли, одев в длинный махровый халат.

Павел помылся в ванной на первом этаже, а потом женщина предложила ему пообедать на кухне. Оказалось, что она прекрасно, почти без всякого акцента говорит по-русски. Зовут ее Клара. Павел спросил, сколько ей лет, и она сказала, что двадцать восемь. Когда Павел как следует ее разгля-

дел, он подумал, что вряд ли принял бы эту Клару за иностранку, встретив на улице в Москве. Типичное русское лицо, очень миловидное.

Павел поинтересовался, где он будет жить. Клара ответила, что вместе с Кругом.

После обеда Павел поднялся наверх, прилег отдохнуть на тахту и заснул.

Его разбудил грохот на лестнице. В комнату вошел врач, за ним появились носилки, на которых двое несли Круга. Потом санитары притащили какие-то блестящие трубы и трубочки, колесики и шнуры и начали сооружать над тахтой некое мудреное приспособление. Они долбили стену, ввинчивали в потолок крючья, приворачивали шурупами к полу никелированные стойки. Когда все это было свинчено и подвешено, получилось похоже на стрелу подъемного крана.

Круга уложили на тахту. Врач с помощью санитаров заключил его левую ногу в систему трубок, планок и ремней, а потом взялся за шнуры, свисавшие с блока на потолке, и подтянул ногу ступней вверх.

Павел наблюдал за всеми этими манипуляциями, стоя спиной к двери, и поэтому не заметил, как в комнату вошел черноволосый человек, привезший их сюда. Перекинувшись с врачом несколькими словами, он поманил Павла к себе и сказал, что на все время, пока Круг будет поправляться, Павел останется с ним в этой комнате и будет исполнять обязанности сиделки.

Комната опустела.

Клара позвала Павла вниз и в одной из комнат показала ему кресло-кровать. Павел отнес его наверх, а Клара пришла следом с постельным бельем и подушкой. Она пожелала спокойной ночи и велела разбудить ее, если раненому станет плохо...

Так началась для Павла жизнь на чужой земле. К чему все это приведет, он не имел никакого понятия. Этой ночью просто выработал для себя линию поведения на каждый день. Он останется Бекасом, но в новых условиях Бекас должен измениться. Пусть каждый, кто пожелает здесь общаться с ним, ощущает главное: неожиданный поворот в судьбе устраивает его как нельзя лучше. А там видно будет...

С утра, едва проснувшись, Павел приступил к обязанностям сиделки. И более заботливого ухода Круг вряд ли мог ожидать.

Прошло три дня, но никто больше ими не интересовался. Только однажды дачу посетил врач.

За все это время Павел ни разу даже не показывал носа на двор, ни на минуту не покидал раненого. Клара постепенно снабдила его принадлежностями госпитальной палаты, в которой лежат люди, лишенные возможности двигаться, и Павел ухаживал за Кругом по всем правилам.

Они почти не разговаривали. Леонид Круг нервничал и, по всей вероятности, с нетерпением ждал чего-то, но был замкнут и не желал делиться с Павлом своими думами. Во взгляде его Павел улавливал все нараставшую благодарность, смешанную с удивлением. По правде сказать, Павел и сам не ожидал, что малопривлекательная роль сиделки дастся ему столь легко.

К концу четвертого дня, перед наступлением сумерек, на дачу явился новый посетитель. Едва увидев его, Павел понял, что это брат Леонида Круга. Они были очень похожи, только вошедший выглядел старше и грузнее.

Леонид Круг сделал порывистое движение, хотел приподняться, но брат замахал руками и, быстро подойдя, припал щекой к его груди. Павел покинул комнату, неслышно притворив за собою дверь.

Спустя полчаса его позвала наверх Клара.

Леонид Круг сказал:

— Познакомься, Паша. Мой брат Виктóр. Мы ждали этой встречи тринадцать лет.

Павел пожал протянутую ему крепкую ладонь.

— Очень рад,— сказал он.

Глаза старшего Круга смотрели на него доброжелательно.

Виктóр Круг пробыл недолго. Пообещав наведаться завтра, он распрощался.

Уже со следующего утра они почувствовали, что отношение к ним изменилось. В их комнате был установлен телевизор. Клара объявила, что в холодильнике всегда есть вино. С Павла и Леонида сняли мерки, а через день принесли костюмы, белье и обувь.

Леонид Круг повеселел.

Внешне беспечный, Павел в глубине души сомневался, что и дальше все пойдет так удачно. Это было бы слишком большим везением. Не настолько доверчивы и благодушны люди, к которым он попал в руки.

И он был прав, конечно.

РАЗГОВОР ШЕПОТОМ

На десятый день Виктóр Круг приехал не вечером, как обычно, а перед обедом. Вид у него был озабоченный. Попросив Павла пойти погулять в саду, он подвинул стул к изголовью тахты и тихо, в самое ухо сказал брату:

— Я задам тебе несколько вопросов. Но говори шепотом. Нас не увидят: телеглаза в этом доме пока нет.

Леонид кивнул. Виктóр подошел к телевизору, включил его. Заиграла музыка.

Между братьями начался разговор, больше похожий на допрос, с той лишь разницей, что допрашивающий не желал допрашиваемому ничего, кроме добра.

— Ты лично встречался хоть раз с человеком по имени Михаил Зароков? — спросил Виктóр.

— Нет, никогда.

— Кто явился к тебе с паролем?

— Дембович.

— Как ты познакомился с этим парнем?

— Через Дембовича. Он показал мне Павла.

— Как Дембович собирался прикрыть твое исчезновение?

Леонид Круг облизал сухие губы, вспоминая детали.

— Я получил от жены телеграмму со срочным вызовом. Должен был дать ее Павлу. И записку к соседу по комнате, чтобы отдал Павлу мои вещи. Павел должен был показать телеграмму в дирекции дома, чтобы объяснить мой досрочный отъезд.

— Это было бы надежно?

— Вполне,— отвечал Леонид.

— Ты уверен, что все сделал так, как велел Дембович? Ни в чем не ошибся?

Леонид молчал.

Виктóр вздохнул, опустил голову.

— Ну, я слушаю.

— Я забыл про телеграмму,— наконец признался Леонид.— И записку не писал.

Виктóр снова припал губами к его уху.

— По сути дела, это не имеет никакого значения, раз Павел оказался здесь. Но это твоя ошибка. Какие инструкции давал тебе Дембович о Павле на ту ночь?

— Он сказал так: что бы ни произошло, я должен попасть на катер. Если замечу какую-нибудь опасность, Павла в лодку не брать. Но пограничный катер появился в последнюю секунду.

— Надо, чтобы этот Павел, когда его спросят, излагал историю с телеграммой так, как должно было быть, а не так, как случилось на самом деле.

— Будут разбирать? — спросил Леонид.

— Следствие назначили бы все равно, в любом случае... Не в том дело... Надежда не вышел на связь.

Леонид Круг впервые услыхал это имя, но сразу догадался, какое отношение имеет оно к его переправе.

Братья помолчали, глядя друг на друга. Потом Виктóр заговорил:

— Не буду объяснять соотношение сил — это долго, и всего тебе не понять. Усвой основное: я на ножах со стариком Тульевым, отцом Надежды. Дембович лишь исполнял приказ, а устраивал твой побег именно Надежда. Если его расшифровали из-за этой истории, старик постарается раздуть дело. Шеф мне доверяет, но он очень любит сталкивать людей лоб в лоб при всяком удобном случае. У него на этот счет своя теория. Назначат следствие. А потом много будет зависеть от Себастьяна — ты его знаешь, он тебя встречал, черный. Его можно не очень опасаться. Старик ему не нравится.

Виктóр умолк, прикидывая что-то про себя. И снова склонился к брату.

— Ты на допросах должен твердо держаться одной линии: говори, что сделал все по инструкциям. Растерянность в той бухте простят,— рана твоя не выдуманная. Значит, и Павла тебе простят. Ему скажи так: для его собственного благополучия выгодно быть с тобой заодно. Ему здесь цена — копейка. Я могу устроить так, что он исчезнет бесследно. Но нам он нужен. Как свидетель.

— Он не дурак,— сказал Леонид.

— Посмотрим. У него своя судьба. Шеф не исключает, что твой партнер — советский разведчик, а вся эта операция — хорошо разыгранный спектакль. Павлу придется доказать, что это не так.

Леонид скрипнул ремнями, оплетавшими его раненую ногу, вздернутую ступней к потолку.

Брат продолжал:

— Тебя тоже могут подвергнуть допросу на детекторе. Вещь вредная. Но все окажется не так страшно, если ты не будешь волноваться. Внуши себе, что ты сам попросил испытать тебя. Что тебе до смерти интересно узнать, как эта штука устроена. Все время будь настороже. На неожиданные вопросы отвечать можно и так и эдак,

лишь бы быстро. Главное — не задумывайся. Накануне очень полезно напиться. Я предупрежу тебя заранее.

Затем они переменили тему. Виктору интересно было узнать подробности жизни брата за последние тринадцать лет на положении человека, скрывающегося от советской контрразведки. Об этом можно было говорить в полный голос, и они оставили шепот.

А Павел, пока братья разговаривали, успел сделать массу полезных вещей. Во-первых, он познакомился с долговязым садовником, которого звали Франц. Оказалось, что Франц побывал в плену в Советском Союзе и поэтому знал довольно много русских слов, однако соединять их в связную речь так и не научился, главным образом потому, что не знал глаголов и прилагательных, а только имена существительные.

Павел сначала помогал Францу рыхлить землю вокруг цветов, а потом, ближе к вечеру, поливал из шланга яблони, стараясь лить воду в лунки вокруг стволов равномерно.

Франц угощал Павла сигаретами, они то и дело устраивали перекур.

В том, что этот милейший садовник приставлен к даче не только для ухаживания за яблонями и цветами, можно было не сомневаться. Так же, как смешно было бы считать Клару просто экономкой. Павел сознавал, что вообще каждый человек, с которым ему отныне придется общаться, будет его прощупывать и испытывать. Поэтому он обязан решительно подавить в себе свое настоящее «я», чтобы оно не мешало существовать Бекасу ни наяву, ни во сне. Не думать, не вспоминать о Москве, о товарищах по работе. Иначе, как случилось сегодня ночью, будешь видеть сны, в которых старший лейтенант Павел Синицын, одетый в форму, допрашивает человека, похожего лицом на Виктора Круга. Не хватало еще просыпаться от собственного крика и холодеть при мысли, что кто-то мог тебя подслушать...

Садовник Франц курил сигарету, покашливал. Павел завел разговор о городе.

Франц прекрасно понял, что именно интересует Павла в городе. Город — это значит женщины, рестораны, кино, вообще всякие развлечения. И вокзал, с которого можно уехать в другие города. Правда, у Павла совсем нет денег, но деньги — дело наживное.

Эту взаимоприятную беседу прервал голос Клары, звавшей Павла в дом. Брат Леонида Круга уже исчез, и Леонид требовал Павла к себе.

Телевизор в их комнате передавал вальсы, но экран не был включен. Музыка звучала тихо.

Леонид был взволнован и, кажется, расстроен. Он показал рукой на стул, на котором сидел перед тем Виктор, попросил нагнуться пониже и зашептал Павлу в ухо.

Очень скоро все стало ясно. Конечно, Леонид Круг не хочет, чтобы его начальство узнало о том, что он нарушил данные Дембовичем инструкции относительно телеграммы и записки, но это голая формалистика, коль скоро Павел очутился на борту катера вместе с ним. И все же оба они должны строго держаться одной линии: все было сделано именно так, как предусматривалось. А насчет главного — подробностей тех считанных секунд в тесной бухточке — ни Павлу, ни Леониду ничего придумывать не надо. Требуется говорить чистую правду. Телеграмма и записка, которые Леонид якобы передал Павлу, естественно, потерялись во время их неожиданного купания... И должны же, сказал Круг, понять здесь, что этот удачный побег навредил не больше, чем могла навредить их поимка. Кому навредить, Круг не объяснил. Павел отметил про себя, что Круг, вероятно, и сам не подозревает, насколько логичны его рассуждения и доводы, если их рассматривать с точки зрения советской контрразведки. Ведь если бы им не дали тогда уйти, резидентскому существованию Зарокова пришел бы конец. И всей операции тоже.

Павел поморщился: опять, хоть и на одно мгновение, но Бекас улетучился из него. Леонид истолковал эту гримасу по-своему.

— Ты встречался с человеком по имени Михаил Зароков? — спросил он.

— Не знаю такого,— ответил Павел.

— Дембович тебя ни с кем не знакомил? — Леонид передохнул и добавил: — Мы должны быть откровенны.

— С самого начала я узнал его старуху — Эмму. Был еще один ватный тип, помоему, круглый идиот. А потом — ты.

Леонид Круг положил руку Павлу на плечо и прошептал:

— Мы с тобой связаны. Держись. Дрогнешь — пропадешь!

— Поправляй, если что не так,— сказал Павел.

— Само собой...

Они замолчали, потом Круг попросил, кивнув на телевизор:

— Выключи эту бандуру.

Павел встал, повернул ручку, музыка оборвалась, он снова опустился на стул.

— Теперь всегда шептаться будем?

— Ты что, не понимаешь? — удивился Круг.

Павел сказал громко:

— Ну как, Леня? Когда мы смотаемся на городской бульвар? Здесь под боком есть город.

— У любой дачи город под боком. Но это пока не для нас,— серьезно ответил Леонид Круг.

— А вот я возьму и смоюсь,— снова перейдя на шепот, сказал Павел.

— Не дури. Раз попал сюда, не мечись. Кому ты в городе нужен?

— В Париж подамся. Там русских много.

— Дуран ты. Паша.

НЕСОСТОЯВШЕЕСЯ СВИДАНИЕ

28 июня 1962 года около часу дня Дембович стоял на тротуаре в узкой полосе тени от вокзала, поглядывая на автобусы, прибывавшие время от времени к павильону, на котором было написано: «Стоянка автомашин санаториев и домов отдыха». Дембович приехал в город, чтобы встретиться с Павлом. Он ждал автобуса с табличкой «Сосновый воздух». В руке у него был чемоданчик из искусственной кожи, очень похожий на тот, с которым уезжал в дом отдыха Павел.

Старик часто доставал из кармана светлого полотняного пиджака мятый цветастый платок и, сдвинув соломенную шляпу на затылок, вытирал мокрый лоб и щеки под глазами. Он не очень нервничал. Просто ему было жарко. Ночь он провел в поезде, спал плохо,— вернее, совсем не спал,— за завтраком в вокзальном ресторане ему подали несвежую рыбу, есть которую было просто невозможно, и вот теперь он чувствовал себя слабым и разбитым на этой тридцатиградусной жаре, на площади, раскаленной, курящейся зноем, будто под нею разведен огонь. Тень от вокзала смещалась в сторону павильона, и вместе с тенью передвигался Дембович.

Наконец он дождался. К стоянке подошел автобус дома отдыха «Сосновый воздух». Народу в нем было битком. Скрипнув, разжались дверцы.

И тут к Дембовичу впервые за прошедшие две недели вернулось притупившееся было беспокойство. Ему представилось лицо Михаила, напутствовавшего его в эту поездку с заметным волнением, и в один момент открылась старику вся важность предстоящего.

Едва первые пассажиры автобуса, загорелые и веселые, с облегченными вздохами спрыгнули на горячий асфальт, Дембович повернулся и быстро-быстро зашагал к тоннелю, где размещались камеры хранения багажа. Хотелось бы посмотреть, как Павел со знакомым чемоданчиком в руках выйдет из автобуса, а потом уже поспешить к условленному месту встречи, и ничего страшного из этого не получилось бы, потому что никто за Дембовичем не следил. Но это было бы не по инструкции, а старик стал в последнее время менее самостоятелен и боялся в чем-либо отступать от правил. Они с Павлом должны обменяться чемоданами в камере хранения.

Остановившись у второго окна, он начал читать правила сдачи багажа. Шумные пассажиры автобуса ввалились в прохладный, как погреб, тоннель, женский звонкий голос сказал: «Уф, как тут хорошо!» Кто-то с кем то обсуждал, как заполнить время до поезда, что посмотреть в городе. Кто-то смеялся. Кто-то пытался установить очередь. Но беспечные курортники столпились у трех окошек как попало, и любитель порядка умолк.

Дембович огляделся. Павла в тоннеле не было.

Нет Павла...

С растерянным выражением лица Дембович вышел под яркое солнце. Он уже не замечал жары.

Ноги сами подвели его к автобусу. Шофер, молодой курносый парень в шелковой выцветшей рубашке с короткими рукавами, стоя возле машины, пил лимонад прямо из горлышка бутылки; лимонад был со льда, на бутылке сверкали капельки холодной росы.

Дембович подождал, пока парень допил до дна, и, улыбнувшись, довольно натянуто спросил:

— Вы из «Соснового воздуха»?

— Из него,— охотно ответил шофер.

— Вы сейчас будете возвращаться?

— Да уж будем. А что, папаша? Подвезти? Прошу пана, садитесь.

У Дембовича мелькнула мысль тут же поехать в дом отдыха, узнать, что произошло. Ведь Павел должен был прийти к нему на свидание в любом случае, состоится операция или нет. Он мог не явиться только по одной причине — если его забрали.

Но, может быть, он явится позже? Дембович спросил у шофера:

— А вы сегодня больше не приедете?

— Нет, папаша. У нас два рейса в

день: утром, к приходящему, и вот этот. Больше не будет.

Дембович не знал, что делать. Инструкция была четкая и ясная: не встретишь Павла — сразу домой.

Но больше всего на свете, больше даже, чем прямой опасности, Дембович боялся неизвестности. И тут уж ничего не поделаешь. В последние годы дошло до того, что он не мог лечь спать, пока не посмотрит, нет ли кого за дверью его комнаты, хотя каждый раз отлично знал, что никого там быть не может. Он и сам понимал, что это глупости и малодушие, но справиться с собой не умел. Вот и сейчас так: перед ним закрытая дверь, и надо непременно выглянуть за нее: что там? Иначе не будет покоя...

— Папаша, вам плохо? — услышал он голос шофера и ощутил его руку на своей руке.— Шли бы в вокзал. Жарища...

Дембович очнулся, смущенно отстранился от курносого парня, глядевшего на него сочувственно и серьезно. Дембовичу стало обидно за самого себя. Нельзя расклеиваться до такой степени...

Он решился нарушить инструкцию.

В доме отдыха, когда они приехали, был мертвый час. Дембович вошел в главное здание. Кругом было тихо, дремотно. Никого не встретив, он направился на пляж. Народу на берегу было немного. Около одной компании он остановился, прислушался к разговору. Молодые люди болтали о пустяках. Дембович перешел к одиноко жарившемуся на солнце мужчине. Присел на корточки. Мужчина поднял голову, молча посмотрел на Дембовича и вновь принял прежнее положение.

— Вода теплая? — не придумав ничего более подходящего, спросил Дембович.

В конце концов разговорились. И покинул пляж Дембович в смятении: он узнал, что из дома отдыха «Сосновый воздух» пропали двое и что ночью на границе, кажется, стреляли...

...На поезд Дембович едва успел. По счастью, в купе мягкого вагона он оказался один,— известное дело, люди с курортов редко возвращаются в мягких вагонах. Дождавшись темноты, старик улегся, но уснуть не мог. Старался не думать о Павле, о Круге, о Михаиле, но получалось так, что больше ему думать было не о чем и не о ком. Ругал себя, что не удосужился захватить люминал. Гадал, спит ли сейчас Михаил, ожидая его возвращения. И только под утро незаметно для себя уснул.

В полдень 29 июня он подъезжал на такси к своему дому. Таран был голодный,— значит, Михаил не ночевал, значит, провел ночь у Марии, а сейчас, наверное, преспокойно возит пассажиров. Дембовичу стало горько и обидно оттого, что вот он, старый человек, сжигает последние свои нервы, а тот, ради кого приходится все это делать, даже и не ждет его. Как будто Дембович всего лишь ездил на базар за редиской...

Но едва он успел войти в дом и снять с себя все дорожное, на улице, за оградой, послышалось короткое шуршание резко заторможенной машины, клацнула рывком захлопнутая дверца, и через секунду перед Дембовичем стоял Михаил.

— Ну? — спросил он грубо.

Дембович, глядя ему в глаза, пожал плечами.

— Он не явился. В доме отдыха его нет. На границе была стрельба...

Можно было ожидать, что это прозвучит для Михаила, как гром с ясного неба, но Дембович смотрел и не видел, чтобы хоть подобие растерянности мелькнуло у Зарокова на лице.

Михаил подбросил на ладони связку ключей, протяжно произнес: «Та-а-к...» — и, обойдя застывшего посреди коридора Дембовича, прошел к себе в комнату.

Торопливо надевая пижаму, старик ждал, что Михаил сию минуту позовет его и по обыкновению задаст привычный вопрос: «Как вы думаете, дорогой Ян Евгеньевич, что же это значит?» Но вдруг ему показалось, что щелкнул замок в двери, и неожиданно для самого себя он испугался. Уж не хочет ли Михаил покончить самоубийством?

Дембович босиком подошел к двери, дернул за ручку — заперто.

— Михаил! — позвал он.— Зачем вы заперлись?

Из-за двери ответил спокойный голос:

— Что вы так взволновались, Дембович? Подождите, имейте терпение, я вас позову.

Дембович был не в том состоянии, когда думают о приличиях. Он остался на месте, чтобы послушать, что делается в комнате.

Сначала шуршала бумага, потом он услышал какой-то хруст, словно от полена щепают лучину или ломают что-то хрупкое.

Дембович отошел, поискал в коридоре шлепанцы, надел их и снова стал у двери.

Наконец Михаил повернул ключ и тихо, будто видел, что старик подслушивает, сказал через дверь:

— Ну, входите. Обсудим.

Старик давно научился без лишних слов понимать настроение своего постояльца, а теперь к тому же нервы у него были взвинчены, он все воспринимал обостренно. И, взглянув мельком на Михаила, Дембович уже знал: обсуждать нечего, Зароков все решил без него. Но что именно решил?

— Садитесь,— пододвигая стул, сказал Михаил.

Когда Дембович сел, Зароков посмотрел на него сверху вниз внимательно, но отчужденно, как смотрят на безнадежно больного, и ровным голосом, словно читал лекцию, заговорил:

— Если даже принять без сомнений, что теперь контрразведка неминуемо выйдет на нас с вами, нет смысла заранее отпевать себя. Чему быть, того не миновать, и, чтобы поберечь нервы для допросов, не надо давать волю собственному воображению.

— Вы говорите со мной, как с мальчишкой,— раздраженно заметил Дембович.

— А у вас и голос дрожит, дорогой мой Дембович,— как будто даже с удовлетворением сказал Михаил.— Распустили себя.

Он закурил папиросу, сел на кровать. Дембович, не мигая, глядел широко открытыми глазами в одну точку, куда-то за окно. Михаил переменил тон.

— Скажите, Ян Евгеньевич, там, где вы брали путевки в дом отдыха, вашу фамилию знают?

Дембович ответил не сразу. Резкий переход от общего к частному был ему труден.

— Я же писал заявление, чтобы мне их дали,— наконец произнес он.

— По номерам путевок быстро можно установить, кому они первоначально выданы? — был следующий вопрос.

— Совершенные пустяки,— устало отвечал Дембович.

Оба понимали, что могло произойти одно из трех возможных. Павел и Круг схвачены ночью во время переправы. Круг ушел на катере, а Павел арестован. Или, наконец, и Павел и Круг ушли. В любом из этих случаев в деле будут фигурировать путевки, по которым они отдыхали в «Сосновом воздухе». И следствие по прямой дороге выйдет на Дембовича, а значит, и...

Где-то в глубине сознания Зароков все еще не отказывался от подозрений, что Павел подставлен к нему контрразведкой. Но если это верно, то Павел должен был явиться на свидание. Исчезать ему нет никакого

ГОД КАК ГОД, И ВСЕ ЖЕ...

Лев ФИЛАТОВ

Недавно вошли в моду белые мячи с черными пятнами, похожие по раскраске на игральную кость. Какой стороной она ляжет? Маленькая деталь футбольного натюрморта как бы лишний раз подчеркнула, что эта игра всегда таит в себе неизвестность, всегда в ней что-то неясно.

Что же волновало и беспокоило нас в этом сезоне, близком к завершению? Какие загадки разгаданы, а что остается под вопросом?

На первый взгляд год как год, все как полагается. Наша сборная в третий раз победила в отборочном турнире и вошла в число шестнадцати избранных соискателей «золотой богини». Кубок СССР отправился по хорошо ему известному спартаковскому адресу, и чемпионом будет команда, которая уже носила раньше это звание. Но внешнее благообразие турнирных таблиц не может заставить нас забыть о всех тревогах, которых немало.

Минувший футбольный год был и сложным и трудным. Он с новой силой всколыхнул сомнения, которым болельщики, люди, как правило, эмоциональные, легко подвержены. Смутил он и некоторых специалистов. Они, по-видимому, несколько обескуражены неубывающим противоречием между кристальной ясностью теоретической мысли и далеко не ясными контурами живой игры. Не мудрено, что то и дело в нашей прессе начали появляться истолкования и проекты весьма странные, которые иначе, как аварийными, не назовешь.

Ну, например, теория о том, что срывы в игре старых, признанных лидеров нашего футбола — московских «Динамо», «Спартака», ЦСКА, тбилисского «Динамо» — объясняются крепнущей силой сопротивления остальных команд. Удобная и приятная версия, не правда ли? Но если это так, то кто пришел им на смену, кто их потеснил? При всем уважении, скажем, к напористой, дерзкой и быстрой команде минского «Динамо» все же, вероятно, будет преувеличением считать, что она уже сегодня способна заменить своих московских или тбилисских одноклубников. Ведь репутация команды высокого класса складывается годами, ее не приобретешь с наскока, за один удачный сезон.

Наша «большая шестерка» — я имею в виду шесть команд, между которыми до сих пор только и распределялись чемпионские звания,— сложилась давно, еще в довоенные годы, и с тех пор ни одному другому клубу так и не удалось вторгнуться в ее пределы. И трудно представить, чтобы это случилось, во всяком случае, в ближайшее время.

Ссылка на частные успехи некоторых клубов (в свое время уже шумно приветствовались взлеты «Молдовы», «Авангарда», «Кайрата», «Пахтакора») может служить лишь для отвода глаз, лишь как попытка представить неблагополучие в делах лидеров в качестве этакой обнадеживающей закономерности. Нет, чего уж там мудрствовать лукаво! Если из шестерки надежно выглядят всего лишь две команды — «Торпедо» и киевское «Динамо»,— то этого мало, и мы вправе утверждать, что уровень клубного футбола в этом году не был высоким.

Симптоматично одно предложение. Предлагают сборную команду страны сделать постоянной, отделив от клубов, чтобы она имела собственный календарь международных и товарищеских встреч. Главные аргументы: снизится нагрузка игроков, розыгрыш первенства пойдет без перебоев, клубные команды восполнят потери талантливой молодежью. Как все это изящно и просто выглядит! Даже удивительно, что до этого никто и нигде не додумался раньше. Видимо, неспроста не додумались.

Все-таки основная форма футбольной жизни — это чемпионат страны с его регулярностью, с ответственностью каждого матча. Здесь крепнет мастерство и закаляются души игроков. Мы хорошо знаем, что товарищеские игры, в том числе и международные, за редким исключением проходят довольно-таки добродушно и далеко не всегда дают отчетливое представление об истинном соотношении сил. Я уж не говорю о том, что отсутствие лучших игроков обязательно снизит интерес к чемпионату, уронит его авторитет.

Да, мы видим, что наша сборная трудно решает свое «уравнение одиннадцати». В ее основном со-

ставе есть вратари, есть бессменные А. Шестернев, В. Воронин, С. Метревели, но на остальных местах то и дело испытываются и проверяются разные кандидаты. Так, может быть, эти трудности возникают не оттого, что сборная не отделена от клубов, а как раз наоборот, потому что в клубах — основных ее поставщиках — и выбор невелик и вообще неважно организована игра?

Московский «Спартак», хоть и добыл себе Кубок, оставляет впечатление команды, которая вдруг отреклась от всех своих традиций, забыла о своем достоинстве, потеряла нить игры и вообще трещит по всем швам. Не мудрено, что спартаковцев в сборной не видно.

Примерно так же весь первый круг выглядели и московские динамовцы. Потом они спохватились, кинулись наверстывать, но в их победах все же больше старания и упорства, чем игрового блеска. Так что динамовцы (конечно, за исключением Я. Яшина) никого не могут предложить в сборную. А между тем эти две команды всегда были наиболее широко представлены в сборной и даже соревновались за эту честь между собой. Так разве может пройти бесследно потеря таких «поставщиков»?

Перед началом сезона в «Огоньке» я писал о том, как интересно будет нынче следить за тбилисским «Динамо», изведавшим наконец счастье большого успеха. Нет, этой команде, к сожалению, шапка Мономаха оказалась тяжела. Будучи такой же ровной и сильной по составу и даже выдвинув несколько интересных молодых игроков, она во многих матчах выглядела безвольной, растерянной. Как видно, будучи не в силах совладать с досадой от поражений, тбилисцы даже приобрели славу недисциплинированной команды, первой по числу нарушений.

Наконец, ЦСКА. Помните, как в начале второго круга армейцы проиграли подряд четыре матча? Команде, неплохо укомплектованной, уже много лет никак не удается обрести боевой характер, который бы позволил ей не просто играть прилично, а бороться изо всех сил и до конца. Армейцы по духу — вот кто нужен этому коллективу, а не любые игроки из разных команд.

Если бы все названные клубы были, что называется, «в порядке», уверен, что проблема сборной решалась бы гораздо проще, без нынешних мучительных сомнений и бесконечных перетасовок. Вы спросите: а что тут можно сделать? Я думаю, что Федерация футбола должна рассматривать «большую шестерку» как базу сборной, наблюдать за ней, помогать ей, решительно вмешиваясь при первых же признаках неблагополучия, касается ли это игры или поведения, что, впрочем, одно от другого неотделимо.

К счастью, две команды «большой шестерки» находятся на подъеме, и благодаря им мы получаем четкие образцы эффектного, современного футбола. Это позволяет нам не терять ориентировки. Сентябрьский матч между ними на киевском стадионе был интереснейшим и самым красивым в сезоне.

Яркий след в нашей памяти оставила игра сборной Бразилии. Я видел «желто-зеленых» семь лет назад на газонах Стокгольма и Гётеборга. Тогда чемпионы мира оставляли впечатление чудо-команды. Казалось, что она неповторима и ее существование — редкостная удача. И вот она снова перед глазами. В ее составе уже нет выдающихся футболистов — защитника Н. Сантоса, диспетчера Диди, форвардов Вава и Гарринчи (в Москве он был лишь представлен трибунам на несколько минут). А игра та же, одновременно практичная и виртуозная. Ничего лишнего. Хорошо зная, что передача мяча — язык футбола, бразильцы показали себя умелыми собеседниками, и оказалось, что вклиниться в их разговор не так просто. Они доказывают и настаивают, что игра основана на искусстве владения мячом, что оно первично и превыше всего и никакими иными доблестями его не восполнишь.

Значит, говорить о «чуде» и «удаче» применительно к сборной Бразилии неуместно. Выходит, дело во взгляде на игру, в качествах, которые прежде всего ценятся в игроках,— словом, дело в их своеобразной и высокой футбольной культуре. А начинается она с того, что мальчик, желающий играть, должен сделаться дрессировщиком своего мяча, должен добиться от него полного послушания. (Итог этого памятного матча для нас выражает не его счет. Результат, я уверен, мог выглядеть и менее обидным, чем 0:3. Кстати, в ноябре ожидается ответная встреча в Рио-де-Жанейро.)

Тут опять встает проблема, как учить футболу. В наших детских и юношеских командах ребята проходят неплохой курс борьбы и в гораздо меньшем объеме — курс игры. А детворе, вероятно, нужен даже не курс, а культ мяча, соревнования друг с другом в овладении техническими приемами. Вот поставлен недавно вопрос о необходимости индивидуальных тренировок для мастеров. Агитируют, доказывают, как такие занятия полезны, приводя в пример Г. Федотова, И. Боброва, братьев Дементьевых, К. Бескова, В. Трофимова. Когда я недавно спросил одного тренера, в прошлом очень техничного игрока: ну, а что же мешает проведению таких занятий,— то вот что услышал: «Нынешние игроки, как правило, тренируются только по плану, сами не привыкли. Не хватает спортивной культуры». Легче всего сказать по этому поводу трафаретное: «Несознательная нынче пошла молодежь». Но вернее будет задуматься вновь и вновь о том, как же у нас преподают эту игру.

В конце концов все зависит от искусства преподавателей. Когда в московской школе молодежи работали тренерами В. Маслов, К. Бесков, А. Акимов, Н. Дементьев, В. Лахонин, эта школа из года в год давала выпускников, которые и сейчас являются ведущими игроками высшей лиги. Теперь этой школы нет, и вот уже московские команды начали все чаще приглашать футболистов из других городов, причем без особой взыскательности.

Вот о чем думаешь, вспоминая матч СССР — Бразилия.

И еще. Сейчас как-то поутихли прения вокруг тактической проблемы. Ею уже сыты. Мне кажется, что она так детально обсуждена, что прибавить уже нечего. Кстати, и сами создатели новой системы — бразильцы — никаких новых изысков в этой области не предложили. Во всяком случае, в Лужниках. Теперь наши тренеры с теоретических высот спускаются на зеленую землю футбольной практики. И более всего их волнует, где взять игроков. Как играть — ясно. Но, пожалуй, нет ни одной команды высшей лиги, где бы не ощущался недостаток исполнителей. Разумеется, высокого класса.

Матч «Торпедо» — «Динамо» (Киев). Киевлянин В. Серебряников вместе с мячом в воротах москвичей.

Фото Е. Волкова.

Проблема игрока, и в первую очередь форварда, сейчас остра, как никогда, поскольку все убедились, что в нынешних условиях каждый футболист должен многое уметь брать на себя. Как Пеле. Да, этот удивительный форвард, чрезвычайно точно соблюдающий законы игрового коллективизма, в решающие моменты действует в одиночку. Между прочим, он как бы давал ответ на часто дискутируемый вопрос о роли и месте так называемого солиста. Скромность, если хотите, спортивная воспитанность отличают Пеле. И это, конечно, потому, что он понимает, чтит законы игры. Вот пример для некоторых наших юнцов, которые считают, что их футбольные способности могут служить оправданием развязности, высокомерия, и потому позволяют себе порой играть небрежно, безответственно. И это тоже вопрос спортивной культуры, воспитания.

Между тем, повторяю, итоги сезона вполне приличные. Но я думаю, что даже те, кому, возможно, покажется, что автор сгустил краски, будут со мной заодно в желании часто, а не изредка видеть хорошие матчи. А раз так, то и будем придерживаться золотого правила: «Футбол мне друг, а истина дороже».

смысла. Тем более сейчас, когда он вошел в доверие.

Теоретически можно было себе представить еще один, последний вариант: Павел-контрразведчик с самого начала имел целью переправиться за границу и вот теперь, используя оказию, вместе с Кругом уплыл на катере. В таком случае он, Зароков, с первого своего шага на советской земле служил лишь инструментом в руках органов госбезопасности.

Этому он всерьез верить не мог. Это выглядело слишком неправдоподобно. Однако над этим следует подумать.

После долгого тягостного молчания любое произнесенное слово Дембович готов был принять с благодарностью, но то, что он услышал, ударило его в самое сердце и заставило сжаться.

— Я дам вам пистолет,— сказал Михаил.— Он может пригодиться. Но, по-моему, с этим никогда не надо спешить...

Старик не шелохнулся.

Зароков встал, снял с гвоздя у двери новую кремовую курточку, которую не надевал еще ни разу, завернул ее в газету. Потом выдвинул ящики письменного стола, загремел какими-то железками, завернул их в другую газету и сунул сверток в карман брюк.

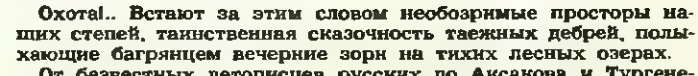
— Очнитесь, Дембович. Пистолет вот здесь, в столе...

Дембович встрепенулся. В глазах у него стояли слезы. Пальцы рук заметно дрожали.

— Вы уходите? — тихо спросил он.

— Не навсегда, Дембович, не навсегда,— сказал Михаил.

Продолжение следует.

ДРУГ ОХОТНИКА, ДРУГ ПРИРОДЫ

Охота!.. Встают за этим словом необозримые просторы наших степей, таинственная сказочность таежных дебрей, полыхающие багрянцем вечерние зори на тихих лесных озерах.

От безвестных летописцев русских до Аксакова и Тургенева, Некрасова и Пришвина с изумительной силой воспета охота на Руси, любовь русского человека к природе, к ее живому миру.

Воспитывать в народных массах эту любовь — генеральная линия журнала «Охота и охотничье хозяйство», отмечающего в эти дни свое первое десятилетие. О том, что журнал нашел свое место в жизни, выразительно говорят цифры его тиража. Если в первый год тираж был немногим более сорока тысяч, то теперь, в юбилейном году, почтальоны доставляют читателям в разных уголках нашей страны уже полмиллиона экземпляров журнала.

Журнал стремится как можно лучше, полнее ответить на запросы всех своих читателей. На его страницах можно прочитать и проблемную научную статью, и очерк о передовиках охотничьего хозяйства, и корреспонденцию о путях развития промысла пушных зверей, и статьи, бичующие браконьеров, стихи и рассказы. Молодые охотники найдут для себя много полезных советов.

Вместе с авторами публикуемых в журнале очерков и записок натуралиста читатели совершают увлекательные путешествия по суровой Арктике, знойным пустыням Средней Азии, отрогам Саян, таежным тропам Дальнего Востока, знакомятся с животным миром этих зон. Большой интерес вызывают у читателей статьи крупных ученых-биологов.

Неисчерпаемый источник интереснейших тем — письма читателей. А редакция получает их ежегодно до пятнадцати тысяч. Это также говорит о популярности журнала.

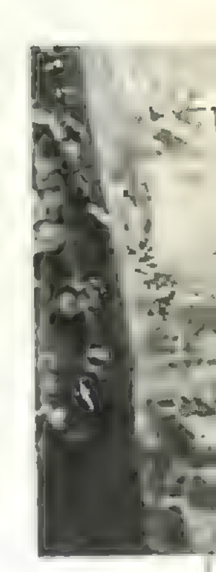
В. ВЛАСОВ

ПУТЕШЕСТВИЕ КРУГОСВЕТНОЕ ОГОНЁК КРУГОСВЕТНОЕ ПУТЕШЕСТВИЕ

ОТ МОНТЕВИДЕО ДО САНТЬЯГО

Борис БУРКОВ

Фото автора.

Особенно красив Монтевидео утром.

Из аэропорта Монтевидео мы направились в гостиницу «Парк-отель». По дороге в глаза бросилась надпись на стене углового дома: «Янки, убирайтесь вон!» Часто нас, советских журналистов, американские коллеги обвиняют в какой-то предвзятости. Но что делать, если сама жизнь подбрасывает такие факты. Может быть, об этом и не стоило бы писать? Может быть! Однако, когда мы увидели такую надпись в первые же минуты пребывания в Уругвае — новой для нас стране, а потом узнали, что эти слова соответствуют настроению уругвайцев, я решил упомянуть об этом.

Газеты «Аксьон» и «Популяр» представляют разные партии. Заместитель директора «Аксьон» Хулио Сангинетти чистосердечно признал, что «каждая уругвайская газета отражает политические взгляды своей партии. У нас нет беспартийных газет».

В газете «Популяр», издающейся коммунистической партией, мы почувствовали обстановку дружной, организованной работы. Здесь царил дух товарищества, взаимной поддержки. Редакторы, литературные сотрудники, рабочие типографии гордятся своей газетой, своей работой. Чувствовалась непринужденность, простота, общительность людей, их верность благородным идеалам, которым они служат.

В редакции мы вели долгие беседы. Нам говорили не только приятные вещи о хороших материалах советской прессы, но и высказывали пожелание нашим агентствам не опаздывать с оперативными информациями и фотографиями — писать для зарубежного читателя, зная его запросы.

— К жизни советского народа у нас в стране очень большой интерес. Но об этом нужно писать интересно, живо, сжато,— говорили нам уругвайские коллеги.

Эта же тема затрагивалась и в беседе, когда мы были в Ассоциации уругвайской печати.

— Наши журналисты,— заявил один из руководителей ассоциации, Карлос Борче,— хорошо понимают значение тесных контактов со своими зарубежными коллегами. Когда в Аргентине арестовали одного работника печати, мы проявили горячую солидарность. Вместе с нами были советские и другие журналисты. Двадцать лет существует наша ассоциация, и теперь вот за этим столом сидят люди из разных партий, но мы находим общий язык.

Сумрачный Монтевидео

Погулять по Монтевидео мы вышли уже вечером и, откровенно говоря, удивились, увидев темный, печальный город. Фонари на улицах почти не горели. В ресторанах вместо люстр — газовые или керосиновые лампы.

— Год засушливый, водоемы высохли, энергии гидростанций не хватает. Издан специальный закон об экономии электроэнергии! — объясняли нам.

При входе в казино большая таблица показывает курс песо: с каждым днем он падает. Из газет мы уже узнали, что «горят» многие банки, все чаще раскрываются различные подлоги, кражи.

Страна переживает небывалый в ее истории экономический спад. Служащие, рабочие по нескольку месяцев не получают заработной платы. Вспыхивают забастовки.

Мы как-то заметили администратору отеля, что посуда в ресторане не очень чистая, что убирают небрежно.

— Господа,— сказал он,— наши служащие вот уже три месяца не получают денег, они бросают работу. Да разве это только у нас?

В яркие утренние часы мы видели, как красив Монтевидео. Но все же заметны следы запущенности: не до благоустройства столицы, когда вся страна переживает экономические трудности!

На широком бульваре Артигаса — памятник Калеони, одному из руководителей войск Гарибальди, который сражался за независимость Уругвая (копия этого памятника находится в Музее изобразительных искусств в Москве). Постамент оклеен самодельными плакатами со словами: «Пусть богачи оплачивают бюджет!». Напротив, на здании архитектурного факультета университета (здесь когда-то был освистан студентами Эйзенхауэр),— другие плакаты: «Долой империализм! Да здравствует доминиканская революция!», «Правительство должно университету 78 миллионов, когда оно заплатит?», «Когда же наконец правительство выплатит двухмесячную зарплату?», «Мы все бастуем, требуем выдачи зарплаты!».

Над тоннелем крупными буквами: «Янки, вон из Уругвая!». Мы не искали специально таких надписей, но не видеть их не могли.

Уругваец Григорий Павло́вич и сенатор Аэдо

Мы встретились с активным профсоюзным деятелем Уругвая Павло́вичем. Этот крепкий, еще не старый человек — безработный: его общественная деятельность не нравится предпринимателям. Григорию Павло́вичу было всего два года, когда его отец, скрываясь от преследований царской полиции, покинул родину.

— Григорий, расскажите землякам, как вас хоронили,— просят его наши уругвайские коллеги.

Оказывается, в начале сороковых годов, когда Павло́вича преследовали за его революционную деятельность, реакционные профсоюзные лидеры организовали его «похороны». Процессия с гробом, на котором была написана фамилия Григория Павло́вича, уже готовилась к «выносу тела», но соратники Григория сорвали эти «похороны».

Мать жены Григория Павло́вича — Марина — одна из организаторов батрацкого движения в Уругвае. Она до сих пор хранит пулю, попавшую ей в плечо во время столкновения с полицией.

Солнечным утром мы едем в гости к сенатору Аэдо в Пунта-дель-Эсте. По дороге нам показали виллу, где живет бывший президент Бразилии Гуларт. Мы заехали

в дом отдыха журналистов, искупались в холодном океане, сфотографировали гуляющего пингвина на одном из бульваров и повернули к вилле Аэдо.

В пути нам не раз попадались объявления о продаже вилл.

— Это виллы тех, кто имел отношение к последнему краху банка,— объяснили нам.

Итак, мы в парке виллы Аэдо. Сенатору Эдуардо Виктору Аэдо 64 года. Он известный политический деятель. В молодости был журналистом. В течение почти двух лет возглавлял Национальный правительственный совет Уругвая, который является коллегиальным президентом страны. Был министром просвещения.

Хозяин вышел к воротам встретить нас. Он был в синей рабочей блузе и светлых брюках со сле-

енатор Эдуардо Виктор Аэдо.

дами масляной краски: Аэдо увлекается живописью. Мы заходили потом к нему в мастерскую— пейзажи, натюрморты и другие работы выполнены в хорошей реалистической манере.

В парке Аэдо много помещений, где собраны картины — несколько тысяч полотен.

У Аэдо богатые коллекции глиняных и деревянных статуэток, много скульптур, среди них миниатюрные копии памятников национальным героям Уругвая. Много сувениров, фотографий виднейших политических деятелей мира, с которыми он встречался. Аэдо— меценат. У него собираются известные поэты, художники, артисты. Дочь его Беатриса часто возглавляет различные художественные выставки.

Сенатор Аэдо в январе 1962 года в Пунта-дель-Эсте, где проходила конференция ОАГ, на которой Куба была «отлучена» от этой организации, принял у себя представителя революционной Кубы. Многие деятели Уругвая боялись, как черт ладана, кубинского делегата. Конечно, Аэдо отнюдь не защитник интересов трудящихся, но ему присуще чувство здравого смысла, особенно когда он высказывает свое мнение о реакционной политике правительства США.

Шашлык по-уругвайски

В Монтевидео мы вернулись поздно вечером. Местные журналисты пригласили нас на «асадо». Это похоже на шашлык. Готовили «асадо» во дворе, на костре. Блюдо превосходное.

Угощаясь «асадо» и беседуя, узнали, что недавно видный государственный деятель вызвал на дуэль (в связи с крахами банков) редактора одной газеты. Теперь должен состояться суд чести, который призван уладить конфликт. Потом последуют какие-то другие встречи, в общем, разные процедуры будут долго тянуться — до тех пор, пока станет ясно, что... дуэли не будет. Впрочем, нам рассказали, что лет семь назад подобная дуэль состоялась: один генерал и политический деятель слегка поцарапали друг друга шпагами.

В Монтевидео мы присутствовали на первом международном дне танго — «Фиеста танго» Уругвая и Аргентины. Выступления певцов,

Чилийская мадонна.

музыкантов, речи искусствоведов посвящены были одной теме — «Красота и благородство народного танца танго».

— Этот благородный танец,— сказал дирижер,— должен охранять наш дом от твистов.

Наши чилийские друзья

Три часа сидели мы на аэровокзале Монтевидео. Боялись, что вообще не полетим: опять начиналась всеобщая забастовка. Но вот наконец полетели в Чили.

...Самолет снижается. Вдали безбрежный океан. Внизу зеленые, ярко-желтые, белые вершины гор. Из-за гор, словно живое пламя, вырываются красно-фиолетовые лучи заходящего солнца. Вершины становятся огненными.

Не успели еще сойти с трапа самолета, как высокий брюнет с усами спросил:

— Вы советские журналисты?—И мгновенно последовали одна за другой вспышки фоторепортерской импульсной лампы.

— Я из агентства,— представился брюнет,— сегодня ваши снимки будут показаны по телевидению, а завтра вы увидите их в газетах. (Все сказанное потом подтвердилось.) Наш народ,— продолжал фоторепортер,— с большой симпатией относится к советскому народу, любит советских людей.

Заявление чилийского журналиста мы сначала приняли просто за проявление вежливости. Но потом мы почувствовали, что это действительно так.

На встрече с редакторами газет нас спросили:

— Мы в Аргентине в киосках видели советский журнал. Будет ли какой-нибудь журнал в Чили?

Действительно, здесь большой интерес к Советскому Союзу. Многие хотят читать книги, смотреть кинофильмы, слушать песни, созданные в СССР. Велика тяга к изучению русского языка.

В правительственной газете «Насьон» нас принял заместитель директора Луис Баррига. Журналисты буквально забросали нас вопросами: как живут советские люди; что они читают; чем интересуются, кроме политики; изменилась ли за последние годы советская печать; как одеваются женщины; бывают ли у вас свадьбы?.. А на другой день газета опубликовала доброжелательную корреспонденцию о советских журналистах.

Секретарь президента по печати Васкес в беседе с нами говорил о больших симпатиях чилийцев к советскому народу. Узнав о девизе АПН: «Информация во имя мира, во имя дружбы народов»,— Васкес сказал, что это совпадает с программой их правительства.

— Время покажет,— произнес кто-то.

Ректор Чилийского университета Эухенио Гонсалес — влиятельный человек в стране. Встретиться с ним нам рекомендовал еще в Москве Пабло Неруда. Мы передали привет Гонсалесу от его выдающегося соотечественника и попросили ознакомить нас с жизнью университета, располагающего тринадцатью факультетами.

Мы встретились также с редактором университетского журнала Энрике Бельо. Журнал этот часто печатает материалы из Советского Союза, сообщает о контактах с нашими университетами.

Так же, как в Бразилии и Уругвае, в Чили чувствуются антиамериканские настроения. Мы узнавали об этом из газет, из бесед с журналистами. В газете «Ультима ора» нам показали документы, разоблачающие вмешательство США во внутренние дела Чили. Люди с возмущением говорят о шпионском плане США «Камелот».

Много разоблачающих США материалов публикует газета компартии «Сигло». В типографии этой газеты как реликвия стоит плоскопечатная машина, сохранившаяся еще со времен подполья. Остались и следы полицейского погрома в 1957 году, когда типография компартии была выведена из строя.

Газеты все чаще и чаще пишут о борьбе за экономическую независимость страны. Обсуждают вопросы «чилинизации» меди, этого главного богатства Чили.

Энергичные, боевые люди действуют в Едином профсоюзном центре трудящихся (КУТ). Президент этого профсоюзного центра социалист Оскар Нуньес и секретарь коммунист Луис Фигероа хорошо знают соотношение классовых сил в стране. Они и рассказывали нам о борьбе тружеников Чили.

...В каждой стране есть свои лучшие места. В Чили говорят: не

Площадь в Сантьяго.

побывав в Вальпараисо, что означает «Райская долина», вы не узнаете, как красива наша страна! Мы тоже решили отправиться на автомашине в двухчасовой путь... Всю дорогу, на всех холмах, на каменных откосах гор, буквально всюду — крупно и очень крупно— фамилия — Ф р е й. Эти надписи— остатки предвыборной кампании.

Очень интересный, курортного типа городок Винья-дель-Мар, примыкающий к порту Вальпараисо, и сам город-порт, расположенные на берегу Великого океана, надолго остаются в памяти туристов.

Чилийцы общительны, просты и гостеприимны. Они понимают и любят юмор.

— Знаете ли вы, что такое «ля ора чилена»? — спросил нас однажды журналист Урибе.

Оказалось, это — «время по-чилийски»: назначили сбор, предположим, на семь часов, значит, приходи к девяти, будет как раз вовремя.

В Сантьяго нас специально разыскивали люди, которые были в Москве, чтобы засвидетельствовать свое доброе отношение к нашей стране.

И мы выпили с этими чилийцами доброго чилийского вина. Оно настолько «доброе», что даже Франция импортирует его отсюда.

Я никогда не забуду эту интересную страну, красивых людей, своих новых товарищей.

Сантьяго Москва.

МУДРАЯ ЧЕЛОВЕЧНОСТЬ

К 90-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ АВЕТИКА ИСААКЯНА

Когда Исаакян проходил по улице, все без исключения узнавали его и низко кланялись ему. Выступления его проходили в благоговейной тишине Для молодых поэтов и писателей его похвала была величайшей гордостью.

Смерть его была всенародным горем: из армянских городов и селений шли и ехали люди, чтобы в дождливый час про водить в последний путь своего «Варпета»[1].

«Само небо плакало».— говорили люди.

В чем же была тайна его поэтической силы, его мощного влияния на читателей и слушателей? Слушателей и исполнителей песен было не меньше, чем читателей, потому что песни Исаакяна знали и те, кто не читал его книг.

Не захватывающий темперамент, не богатейшая звукопись, свойственная армянской поэзии, не броская новизна, а глубокая, чистая доброта его прозрачных строк, точное выражение мыслей и чувств, близких всем, трогающих все сердца,— вот в чем была, есть и будет сила поэзии Исаакяна.

Непосредственность поэта, когда то пленившая Блока, до сих пор остается главной приметой его поэзии.

Аветик Исаакян читал негромко, не напевно, как бы «прозаично», но несравненная поэтичность его чувств и образов становилась музыкой.

А может быть, самое главное, что сделало его великим поэтом,— это великая, переполнявшая его сердце любовь к своему народу, к родной земле.

Когда-то, до революции, Исаакян долгие годы жил на чужбине. Тогда он написал свои самые пронзительные, щемящие строки:

Караван мой бренчит и плетется
Средь чужих и безлюдных песков.
Погоди, караван! Мне сдается,
Что из родины слышу я зов...

Эти стихи Исаакяна в переводе Александра Блока, на мой взгляд, одни из самых замечательных, самых волнующих.

Благородство чувства, самоотдача, никогда никакой рисовки, никаких излишеств ради красивости, никакой самовлюбленности - это Исаакян.

Сдержанная сердечность интонации, тонкая живопись и человечность — это Исаакян.

Много стихов посвятил Исаакян своей матери, чей портрет висел в его кабинете. Портрет крестьянской женщины в кабинете, где стол был завален книгами на всех европейских языках: Исаакян великолепно знал мировую литературу.

Помню, я спросила его, как он относится к стихам одного поэта. Пошевелив пальцами, как бы подбирая слова, мастер сказал: «Шуму много».

Он не любил шума, мудрый и тихий человек с лицом со старинной армянской фрески, с тяжелой походкой, как бы утомленной тысячелетними армянскими дорогами.

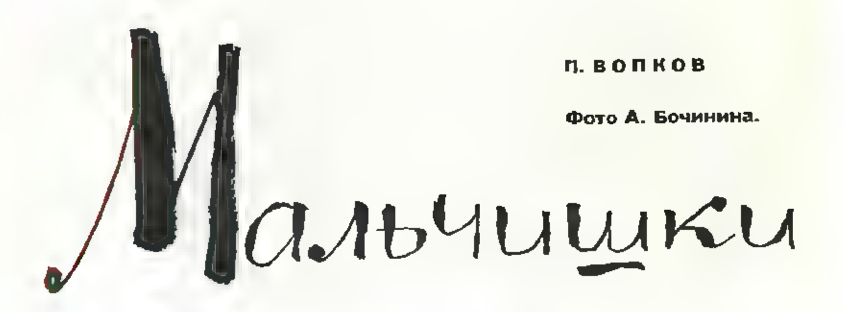
Исаакян — поэт печальный, ибо печальна многовековая история его народа, но он умел и страстно гневаться в дни фашистского нашествия, умел радоваться победе и скорбеть о погибших сыновьях народа. Он умел и пошутить в стихах и в разговоре, сказать что-нибудь острое с неподражаемым крестьянским юмором. Писал он плясовые песни, танцевал и сам на пиршествах народный массовый танец «кочари».

Много стихов посвятил Исаакян любви, и никогда не перестанет армянский народ (да и не только армянский) петь его песни, видеть его трогательных девушек, похожих на горных косуль. Но будет народ помнить и призыв к «Колоколу свободы» (стихи 1903 года), и горькую его поэму «Абул Ала Маари», и свободолюбивую поэму «Мгер из Сасуна».

Как странно представить себе, что по улицам и площадям Еревана, по пахнущим дымком селениям армянских нагорий, по камням севанского берега не пройдет такой знакомый всем, слегка ссутулившийся, не совсем еще седой «первый человек Армении», душа ее — поэт Аветик Исаакян.

Вера ЗВЯГИНЦЕВА

[1] Варпет — мастер.

П. ВОЛКОВ

Фото А. Бочинина.

Стадо вечером подогнали к деревне, и бабы и ребятишки разбирают свою скотину по дворам.

В этом каждодневном, будничном деле — пригоне скотины — есть, однако, что-то неуловимо праздничное, радостное, будто встречают дорогих гостей, долгожданных.

И хотя хозяйки, как бы соревнуясь друг с другом, орут на своих коров и телок и машут на них хворостинами, но чувствуется, что это только для вида, таков обычай.

У бабушки Акули коровы нет, у нее козы.

Козы забрались в лопухи на старом пожарище и с ожесточением и жадностью рвут там, подымаясь на дыбы и сильно дергая шеей, ровно целый день не ели и только теперь, перед ночью, опомнились, что нужно поесть.

Бабушка лезет в репьи и, суетясь и бранясь, как все, выволакивает оттуда своих коз и козлят, хватая их по двое за рога. Те кренят голову и упираются.

Я, мой брат и соседский Рыжий Шурка (если с ним нет войны), конечно, уж тут как тут. Мы помогаем водворить главного упрямца — дремучего, страховидного общественного козла Борьку, который «квартирует» у бабушки Акули. Двое его тащат, третий подгоняет прутом... А почему бы не прокатиться на нем верхом? Но едва только (благо, бабка не видит) садимся на его острый и жесткий хребет, как сердитый бородач взбрыкивает задними ногами, прядает и сваливает дерзкого седока в канаву. Следующий...

Загнав коз в клетухи, бабушка Акуля первым делом дает в кухне козлятам полный таз гретой, посоленной воды. Пьют, балуясь, пихая друг друга мягкими рожками.

Бабка стоит рядом, подперши щеку рукою, умиляется ими минутку — «любят, любят чаек, озорники!» — и, опомнясь, схватывает с гвоздя на притолоке емкую, с приделанной проволочной дужкой жестяную банку.

Через полчаса перед сном мы получаем каждый по большой кружке густого, с пеною, парного молока и по ломтю пахучего, посыпанного зернистою сероватою солью ржаного хлеба. Мы едим, пьем и весело болтаем...

Ах, как это было вкусно!

И чем дальше уходит время, тем наш ужин кажется мне все вкуснее. Я теперь эту еду ни с чем не сравню...

Утром (мы с братом спим на сеновале) нас будят все более близкие хриплые звуки горна, хлопанье бича и зычный голос пастуха дяди Фадея.

Глаза слипаются, вставать неохота, но до того только мгновения, как окончательно не проснулся и не вспомнил про рыбалку. И тогда, опасаясь, что проспали с а м ы й к л е в, мы кубарем скатываемся вниз и, почесываясь от сенной трухи, набившейся за ворот рубахи, хватаемся за удочки. Черви накопаны еще с вечера.

После сна все, что я наблюдаю, живо меня занимает, хотя, может быть, все это я вижу уже сотый раз.

...Заспанные, позевывающие, полуодетые хозяйки провожают животных. Кое-где подымаются уже первые дымки над трубами.

Бабкины козы и козлята во главе с Борькой весело выбегают тесной кучкой, тряся задранными розовыми хвостиками-резинками. Соседские черные овцы робко и застенчиво жмутся в воротах, а тетя Даша, Шуркина мать, их ласково протурнет.

Козы и овцы блеют голосом самого старого на селе деда Архипа.

Стадо катится по деревенской улице, притягивая к себе животных, с каждой минутой становясь все дружнее и многочисленнее.

И вот уже, замыкая его, прошел в брезентовом балахоне пастух, шмурыгая резиновыми сапогами и время от времени хрипло дудя в пионерский горн. Шуршит, свисая с его плеча, длинная змея кнута с застрявшим пучком травы в узелке на тонком его конце. И, виляя грязным хвостом, уткнув в землю тяжелый нос, протрусила пастухова собака Митька...

Проснувшиеся белые бабушкины куры окружили лужицу на тропинке и пьют, по очереди утапливая носик и поднимая его кверху, как будто смакуя. Их ярко-красные гребешки полупрозрачно горят в лучах зари.

Кошка, озираясь, ступает по росистой гусиной траве, зябко подергивая лапками.

Заглядевшись на стадо, на кур и на все прочее, я поздно замечаю, как вспыхнули, точно прозрели, окна нашей избы и нежно зарозовели ее стены и палисад, а по изволоку за деревней побежали длинные полосы света.

...И вот с удочками на плечах и с банками червей мы спешим к речке.

Рыбой наша речка вообще небогата, но трудно представить себе детство без удовольствия ужения.

...На нехоженом блестяще-матовом от росы лугу протянулись наши четкие следы. Солнце едва взошло. Розовая мгла висит на высоте человеческого роста, и сосны старинной Царской Рощи и одинокая старая ель посреди поля плавают в этом тумане, скрытые по пояс, похожие на смутные острова... Воздух пахнет свежей сыростью, цветущим разнотравьем и сеном — кое-где уже начали косить.

Гулко кричит далекая, точно эхо, кукушка. Раз или два задумчиво и свирельно пропела иволга. Среди застывших темно-зеленых взрывов ольхи звучно и выразительно высвистывают певчие дрозды, как будто выговаривают какие-то слова. Кажется, еще немножко — и разберешь, о чем они...

А вот и наше облюбованное местечко на берегу. Здесь в кустах туман гуще, речка курится — солнце еще не коснулось поверхности. И воздух зябче, и комарики покусывают. Хорошо, что на нас кепки и телогрейки...

Играет меленькая рыбешка, целует зеркало, как будто кто быстрой щепоткой прикасается там и тут к поверхности воды... Покрупнее рыба (по-видимому, щуренок) плеснулась, и разбежался след, будто удилищем чиркнули, и прыснули врассыпную мальки, как горсть пшеницы.

Нетерпеливо, жадными руками разбираем лески и наживляем крючки...

Поплавок вначале застыл, точно впаянный, но вскоре начинает потихоньку оживать...

И незабываемое на всю жизнь чувство, когда взметнулось твое гибкое лещиное удилище и сверкнул на солнце и затрепыхался на траве первый пескарик в мизинец величиною.

Этот пескарик всегда приносил мне такую радость, как будто то была золотая рыбка, которая исполнит все мои желания.

НА ЦВЕТНОЙ ВКЛАДКЕ:

1. Шурка.
2. Осенью.
3. По-приятельски.
4. Встречаем солнце.

М. ХАЛФИНА

Рассказ

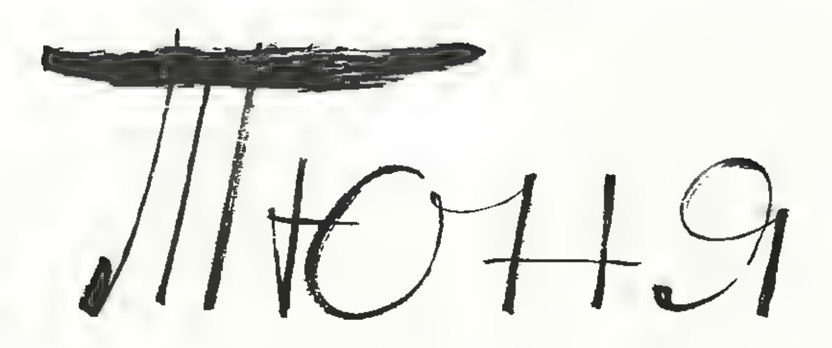

Рисунок И. Ушакова.

Называть мужчину Тюней я считаю оскорблением мужского достоинства не только этого самого Тюни, но и обидным для всего гордого племени мужчин.

При рождении человека нарекли Константином, но он немного поспешил родиться и получился такой крохотный, такой дохленький, что называть его мужественным трехступенчатым именем Кон-стан-тин оказалось просто невозможным.

Попробовали называть его Костей, потом Костюней, но для такой козявочки даже это мягонькое имя оказалось громоздким. Помаленьку от Костюни осталась только вторая половина, и таким образом Константин Максимович Вишняков превратился в Тюню.

Первые две недели он даже не умел кричать. Когда он широко разевал огромный на желтом, морщинистом личике рот, казалось, что сейчас раздастся пронзительный вопль. Но на первых порах вообще ничего не раздавалось, а несколько позднее при желании стало возможным услышать слабое попискивание.

Вслух про такое, конечно, не говорилось, но, услышав этот жалкий писк, многие невольно думали: «Скорее бы уж к одному концу... Все равно не жилец». Одна бабушка Фрося, горестно перекрестившись, высказалась вслух:

— Прибрал бы уж господь... Развязал бы девчонке руки... чего уж тут...

А теперь Вишняковым кажется странным: как это они могли раньше обходиться без Тюни?

Тюнину деду Максиму Григорьевичу сорок три года, а бабушке Марине Алексеевне еще нет и сорока.

— Куда там!.. Я ведь уже бабушка...— говорит певуче Марина Алексеевна и при этом приподнимает крутую, тонкую — любой девчонке бы такую — темную бровь:— Не надо было рано дочерей рожать. А теперь вот оглянуться не успела — и уже в бабушки попала.

И негромко смеется, оправляет на затылке тугую девичью косу, поглядывая на меня через пышное литое плечо. Именно любуясь этим медленным ласкающим взглядом, вполоборота, из-под тяжелых ресниц, я впервые поняла, что это такое — глаза с поволокой.

Максим Григорьевич чуть повыше своей вальяжной Марины Алексеевны. Он поджар, но широк в груди и плечах, смуглый и кудрявый — в общем, наш хитрюга Тюня-Костюня никак не прогадал, уродившись в деда.

Старшая дочь Наташа, окончив школу и краткосрочные курсы, полгода работала в яслях, младшая Танюшка кончала школу. Дочерей Вишняковы не баловали. Марина Алексеевна, сама великолепная хозяйка, с малых лет приучала девочек к домовитости, к порядку и чистоте. Учила всему, без чего не может из девчонки вырасти настоящая, добрая строительница семейного очага.

Молодого и строгого отца девчонки обожали и побаивались, хотя росли небитые и неруганые.

Когда с Наташей случилась беда,— и от людей ту беду не скроешь и к людям с ней идти постыдишься,— никто сначала в поселке верить не хотел. Очень уж молоденькие, скромные и милые были Вишняковы девчонки.

— Говорят, Наташа-то руки на себя наложить хотела, когда ей паразит-то этот написал, что у него и жена и дети, чтоб не ждала она его, не надеялась...

— А уж как Мариша-то над Наташкой воет! На людях крепится, а дома прямо как над покойником ревет...

— Милые вы мои, да хоть до кого доведись: растили дочечку, берегли, радовались...

— Очень уж Марина Алексеевна своими доченьками гордилась. Я всегда говорила: такие скромницы скорее всего и приносят матерям-то в подоле...

— А я так скажу: нечего злорадничать. Была бы Наташа бойкая, вольная, а она еще и не заневестилась, как следко быть! Такую-то дурочку глупую долго ли обмануть?

— Люди говорят, Наташа при отце и в комнату не смеет заходить. Придет с работы и сразу в кухню, сидит там, чтобы ему и на глаза не попадаться...

— Ох, я думала, убьет Вишняков Наташку, ей-богу! Он же прямо на себя непохожий стал. С лица черный, в глаза никому не глядит... Мариша вчера сказывала, не спит он по целым ночам...

А Вишняков действительно за несколько дней осунулся, словно от тяжелой болезни. Ходил среди людей молча, с серым, каменным лицом, время от времени похрустывая туго стиснутыми зубами.

Хорошо, что и начальство и ребята в цехе не лезли с вопросами и советами. Молчали, хотя на каждом шагу — в крепком пожатии руки при встрече, в беглых тревожных взглядах, в скупом, вроде бы случайно брошенном слове — чувствовал Вишняков их суровое, душевное, мужское сочувствие.

— Понимаешь ты, какое дело...— намолчавшись до черной тоски, заговорил наконец Максим Григорьевич.

Шли они с работы вдвоем с Андреем Пичугиным. Андрей Иванович — однополчанин, товарищ по бригаде, добрый сосед, да и Наташе не совсем чужой человек. Хотя Наташа и некрещеная, считался Андрей ее крестным, и друзья, порой в шутку, а иногда и всерьез, звались кумовьями.

— Не в позоре дело... и не в том, что ребенок... Надо будет, я пятерых воспитаю. Я себе простить не могу, что допустил, когда эта гадюка начала вокруг девчонок ползать. Я же его несколько раз около Наташки видел... И когда в колхоз на уборочную девчата ездили, он тоже тэм отирался... Почему я тогда не задумался, чего этот гад ищет? Ну, ладно, скажем, за Наташу я не боялся, надеялся на нее, но должен же я был понимать, что если не мою, так другую девчонку он может испортить...

Я так считаю, кум: наше это дело, понимаешь? Наше, мужское дело — не подпускать к девчонкам близко таких подлюг, чтобы поимели эти поганцы какую-то острастку, тем более, что в законах наших нету на них статьи...

Он, понимаешь, грамотный, красивый, опытный, а ей еще и девятнадцати не сравнялось...

Если по умишку судить, так она же, ей-богу, кум, совершенное еще дитя... К любому-каждому с открытой душой... Ты посмотри, что с ней стало... Вроде мертвая она вся... А что, если он душу-то ей на всю жизнь изувечил?

В дальнейшем поведение Максима Григорьевича не раз вызывало удивление и пересуды.

Во-первых, он сам поехал с женой выписывать Наташу с маленьким из родильного. А когда маленького вынесли, первый принял его на руки, подержал и только тогда уже передал Марине Алексеевне. И, как положено по обряду, сам одаривал нянечек конфетами, а акушерке преподнес туалетный набор в нарядной коробке.

И регистрировать внука в поселковый Совет Максим Григорьевич ходил сам и отчество внуку дал «Максимович».

Молча, аккуратно вложил в свой паспорт красивую гербовую метрику, которая удостоверяла, что его внук Вишняков Константин Максимович — безотцовщина, внебрачный, а проще сказать — незаконный...

Толстая сердобольная секретарь поссовета услужливо предложила ему заодно, чтоб

лишний раз не ходить, оформить Наташины документы на получение пособия как матери-одиночке.

Максим Григорьевич засопел, скулы у него напряглись и начали буреть от прилившей крови, но он не спеша поднялся и, натягивая на левую руку кожаную перчатку, сдержанно поблагодарил:

— За заботу спасибо, но дочь моя не одиночка и в пособии не нуждается.

Наташа оживала медленно и трудно. И это была уже совсем другая Наташа. Худенькая, вялая, с печальными глазами и тусклой, неохотной улыбкой. Она мучилась, потому что продолжала любить, и долго еще все чего-то ждала, и никто ничем не в силах был ей помочь.

Девчата-подруги, как раньше, прибегали и в одиночку и парами, а то и целой стаей. Сначала просто толклись у Вишняковых, потом помаленьку начали вытаскивать Наташу то на телевизор к крестному, то в кино.

Часто приходила посмотреть маленького, посумерничать, повечеровать врач детской консультации Нина Матвеевна. За время работы в яслях Наташа к ней очень привязалась.

Как-то вечером, покуривая с Максимом Григорьевичем в уютной и теплой вишняковской кухоньке, Нина Матвеевна посреди незначительного, пустопорожнего разговора вдруг строго и значительно сказала:

— А у Наташи у вашей талант... Я за ней скоро год наблюдаю, как она с ребятишками в яслях управляется... Талант. Быть ей детским врачом...

Старческий прокуренный басок Нины Матвеевны звучал очень внушительно:

— Стать настоящим детским врачом, милые мои, без таланта нельзя, так же как художником или певцом без таланта не станешь. Подготовиться в институт ей наши помогут, там уж все распределились, кто чем силен. Времени до осени достаточно, успеет, если захочет... А в институт я, когда будет нужно, сама съезжу... Завкафедрой-то Юрий Сергеевич в сорок втором году в моем госпитале санитаром начинал, с того и в медицину пошел... А профессора Аню Макарову я в тридцать девятом сама в институт увозила, акушеркой она в нашей больнице работала, очень талантливая была девочка...

Наташу уговаривать не пришлось. Она проплакалась и сразу, словно умывшись благодарными слезами, оживилась и повеселела.

В тот же вечер ближайшее ее будущее было обдумано, обговорено, спланировано.

Костюню под неусыпным наблюдением Нины Матвеевны, как цыпленка, допаривали на печке. На первых порах он никого особенно не беспокоил. Лежал себе в теплом гнезде, тихонько попискивал, но уже к концу второго месяца стало очевидным, что умирать он отнюдь не собирается.

Тут вскоре подошла весна. Ранняя, дружная, знойная. С печки Тюня переселился в сад, под черемуху. Дед купил для него великолепную коляску, бабка соорудила легкий красивый полог. На солнышке под черемухой Костюня срочно начал восполнять все, чего ему недоставало: хороший вес и аппетитные ямочки везде, где им положено быть, зычный рев и голубиное воркование, целую серию очаровательных улыбок, против которых не могло устоять ни одно нормальное взрослое существо.

К осени он стал золотистым от загара, вместо мягкого желтенького пушка на голове появились забавные крутые завитки.

Теперь Тюней его называют уже только по привычке. Я же принципиально зову его Костей и даже Кон-стан-тином. Это когда я сержусь. Поневоле начнешь сердиться, если человек поминутно забывает, что ему уже скоро год, и чуть не через каждые полчаса приходится менять ему ползунки.

Иногда, в виде компромисса, я могу назвать его Котей, хотя для меня слово это звучит так же противно, как Боб или Туся.

Когда Костю оставляют на мое попечение, я немедленно сажаю его на пол и предоставляю ему полную свободу действий в познавании окружающего мира.

Наблюдая за ним, я убеждаюсь, что его жизненный опыт совсем не так-то уж мал.

Он знает, например, что электроплитка может сделать очень больно, и предпочитает держаться от нее подальше. Знает он, что такое край, и с дивана спускается теперь уже не вперед головой, как было месяц назад.

Знает, что дверь в кухню открывается только перед взрослыми, а в спальню, где очень много интересного, можно попасть, никого не призывая на помощь криком.

Вообще, натолкнувшись на препятствие, он никогда не начинает сразу орать, не попытавшись управиться собственными силами.

Вот он подполз к двери. Опыт подсказывает: если оторвать руку от пола и, держась на трех опорных точках, толкать дверь одной рукой, толку не будет, дверь и не шелохнется.

Он наклоняет голову и, надежно упираясь в пол всеми четырьмя точками, нажимает теменем на холодную филенку, бодает дверь до тех пор, пока она медленно, с приятным скрипом не начнет отходить.

Но дверь очень коварна. Если раньше времени вообразить, что ты уже вошел в спальню, и только на мгновение оторвать голову от двери, чтобы продвинуться в образовавшуюся щель, дверь вдруг поползет обратно, основательно пихнет тебя в бок, и все нужно будет начинать сначала.

Уже около месяца Костя умеет стоять «дыбки». А ходить не желает. Каждый день Танюша пытается заставить его сделать этот заветный первый шажок.

Костя стоит посреди комнаты один, ни за что не держась.

— Дыбы-дыбочки, дыбок, скоро Тюсеньке годок! — поет Танюшка и, потихоньку отступая, манит, манит Костю к себе. Она заискивающе улыбается и сладко-сладко, с придыханием воркует: — А смотрите, какой у нас Тюсенька молодец! Приедет мама Наташа на каникулы, а Костюня у нас уже бегом бегает... Смотрите, деда, баба! Сейчас Тюнечка ножками топ-топ!

И, присев на корточки, Танюшка вынимает из кармана оранжевый мандарин.

Костя ловко шлепается задом об пол и быстро ползет к Танюшкиным ногам.

Так же упорно Костя не желает разговаривать. Вернее, он не желает пользоваться словами, общепринятыми для человека его возраста. Он, например, не признает даже таких совершенно необходимых человеку слов, как «мама», «баба», «дай».

— Костюня, кашку с киселем кушать будешь? — спрашивает баба Мариша, накрывая на стол.

Костя только что прекрасно выспался, сидит за столом, толстый, смуглый, узкоглазый. Он очень любит кашу с киселем и прекрасно понимает смысл бабушкиных слов. Он колотит от нетерпения ложкой по столу и утвердительно отвечает:

— Тыгыны!

— Костюха, ну скажи: де-да...— убеждает его Максим Григорьевич.

Он лежит на кровати, а Костя топчется у него на животе, вскрикивая от удовольствия. Деда он обожает.

— Ну, что тебе стоит? Скажи: де-да...

— Тыгыльды! — охотно отвечает Костя.

— Чудо ты сибирское...— огорченно вздыхает дед.— Да ведь «деда»-то куда легче сказать. Ты только послушай, как славно получается: де-да! Де-е-да!—кричит он с увлечением.

— Тыгындай! — в тон ему упоенно вопит Костя.

Тихое зимнее воскресное утро. Никто никуда не спешит, Костя тоже заспался.

Максим Григорьевич давно проснулся. Ему до смерти хочется курить, но он терпит. Такая глубокая сонная тишина стоит в доме, столько в ней покоя и хороших утренних снов, что он боится шевельнуться.

Вторым просыпается Костя.

С деловитым сопением он становится на четвереньки, цепляется за веревочную сетку, и над спинкой кроватки возникает румяная, заспанная физиономия.

— Тыгыны! — говорит он.

С добрым утром, люди! Вы слышите: я проснулся.

Виктор Леонтьев завоевал золотую медаль

ЕЩЕ

Можно без преувеличения утверждать, что на протяжении четырех дней Дворцы спорта в Киеве и Москве представляли одну спортивную арену. А если учесть, что за событиями, происходящими на этой арене, с пристальным вниманием следили телеобъективы Интервидения, можно считать, что на матче Япония — СССР побывала вся Европа.

Уже давно борьба гимнастов двух стран привлекает к себе обостренное внимание, а после Токийской олимпиады этот интерес еще более возрос.

Японские гимнасты не скрывают того, что являются учениками советских. Еще на XV Олимпийских играх они приступили к тщательному изучению школы советской гимнастики и после многих

У НАС В ГОСТЯХ

...на кольцах.

Красивая прическа тоже многое значит.

Сергей Диамидов победил на коне (махи).

Наташа Кучинская выступает на бревне.

Профессор М. Такемото в прошлом один из сильнейших гимнастов мира, а ныне он наставник сборной команды Японии. Рядом с ним А. Накаяма, победитель в вольных упражнениях.

Фото Л. БОРОДУЛИНА.

ОДНА СТРАНИЦА

лет ученичества добились значительных успехов. У себя дома, в Токио, на олимпиаде мужчины-гимнасты завоевали командное и личное первенства.

И вот спустя год после этого давние соперники снова встретились, на сей раз в Киеве и Москве. Перед нами новая страница большого спортивного спора.

Борьба началась на киевском помосте, где разыгрывалось первенство среди мужских и женских команд и абсолютное личное первенство, а затем перенеслась в Москву, где должны были определиться победители на отдельных снарядах.

Мы не увидели в составе команд знаменитых чемпионов — Бориса Шахлина, Юрия Титова, Ларису Латынину, Полину Астахову, но и руководители японской команды не включили в ее состав ни Ю. Эндо — чемпиона XVIII Олимпийских игр, ни других их участников. Только два олимпийца, С. Цуруми и Т. Мицукури, приехали в Москву. И в женских командах была широко представлена молодежь. Но вот что интересно: несмотря на обновление состава, борьба проходила на очень высоком спортивном уровне и доставила большое удовольствие многотысячным зрителям.

Киевский тур закончился успехом советских спортсменов. Они завоевали командное и личное первенства (у мужчин — С. Диамидов, у женщин — З. Дружинина). Но японские гимнасты были вплотную, рядом: лишь неудача Такаси Мицукури на перекладине лишила спортсменов Японии реальных шансов на командную победу. А другой олимпиец, Судзи Цуруми, был реальным претендентом на личное первенство.

Большим напряжением отличалась борьба среди мужчин и в Москве. Достаточно отметить беспрецедентный случай, когда вслед за Такаси Като, завоевавшим первенство на перекладине, на вторую ступеньку поднялись сразу пять гимнастов: В. Медведев, А. Накаяма, С. Диамидов, М. Воронин и В. Кердемелиди. А после окончания борьбы на брусьях все три призера — И. Аиба, М. Ватанабе и С. Диамидов,— набрав одинаковое количество баллов, разместились на одной верхней ступеньке пьедестала почета.

Как и следовало ожидать, победу в вольных упражнениях одержали японские гимнасты и притом сразу два — А. Накаяма и Т. Хираи,— но на остальных трех снарядах золотые медали получили гимнасты СССР — В. Леонтьев (опорный прыжок и кольца) и С. Диамидов (конь — махи).

Борьба гимнасток не носила столь острого характера, и здесь главной сенсацией матча явился успех молодых спортсменок З. Дружининой и Н. Кучинской. Особенно следует отметить быстрый рост ленинградской школьницы Наташи Кучинской, завоевавшей две золотые медали: на бревне и в вольных упражнениях.

Уже теперь, за три года до XIX Олимпийских игр, ясно, что у нас и у японцев быстро растет гимнастическая молодежь. Значит, впереди не менее острая борьба, новые яркие страницы большого спортивного спора!

В. ВИКТОРОВ

В дни, когда редакция «Огонька» отмечала выпуск своего 2000 номера, одним из гостей журнала был народный художник СССР Мартирос Сарьян.

Художник недавно приехал из Румынии, где экспонировалась его юбилейная выставка. Мартирос Сергеевич рассказал о теплом приеме, который оказала ему румынская общественность. Он вспомнил, что на одной из встреч упоминался и «Огонек». Многие работы Сарьяна в Румынии знают по репродукциям, публиковавшимся в журнале.

Мартирос Сергеевич говорил о том, что не собирается еще складывать свое оружие — кисть, задумал сейчас ряд полотен. По его эскизам создаются монументальные росписи в фойе нового здания армянского театра имени Сундукяна; витражи, которые изготовляются в Риге для Малого зала филармонии. Предполагает художник продолжать и свою работу над мемуарами. Первая часть их на армянском языке в скором времени должна выйти из печати. Обещал Мартирос Сергеевич не забывать «Огонек», в котором является одним из желанных авторов.

Веселая книга

Это не просто веселая, но и необычная книга. Во-первых, потому, что она составлена из одних только карикатур. Во-вторых, потому, что все они на одну тему — спортивную. И, наконец, карикатуры собраны из газет и журналов многих стран мира.

Думается, что этот сборник найдет самого широкого читателя — спортсмена, художника, болельщика. А кто из нас не числит себя в многомиллионной армии страстных поклонников спорта?! Читателя эта книга, несомненно, привлечет обилием собранных в ней работ, характеризующих своим выразительным языком многообразный спортивный мир. А любители спорта, листая ее страницы, не раз улыбнутся, найдя там все, что дорого им,— от футбола до шахмат.

В предисловии, названном «Слово болельщика» и написанном веселым пером Сергея Михалкова, в частности, говорится, что сборник «изобретательно и разнообразно составлен и оформлен Н. Елинсоном». Нам остается только присоединиться к этой оценке. Издательство «Физкультура и спорт» проявило хорошую инициативу, выпустив этот сборник. Книга отлично, по-современному сделана издательством и Ярославским полиграфкомбинатом. Правда, нельзя согласиться с тем, что в сборнике не указаны авторы карикатур, а часть рисунков огрублена ретушью. Хочется пожелать, чтобы подобные сборники (и не только на спортивные темы) не были бы уникальной редкостью в необъятном океане книжной продукции.

КУКРЫНИКСЫ

«Спорт — смешные подписи, остроумные рисунки на спортивные темы». Составитель и оформитель худ. Н. Елинсон. Изд-во «Физкультура и спорт». 1965. Тираж 100 000 экз. Цена 90 коп.

АФИША ОДНОГО ДНЯ

Афиша, как магнит. Как ни торопится человек, хоть на секунду да замрет перед нею.

Какие же сегодня встречи обещает она москвичам? Перечислять все невозможно. Да и надо ли?

Давайте пройдем по концертным залам, где выступают в этот вечер певцы.

Итак, знакомьтесь, голоса одного вечера.

ВОРОНЕЖСКАЯ НАРОДНАЯ

Сейчас зазвенит звонок, займут свои места оркестранты и выйдут на сцену солисты Юлия Смольянинова и Альфред Радченко.

Только волноваться они будут, наверное, больше, чем профессионалы. И петь старательнее. Ведь вокалом они занимаются только на досуге — по вечерам. Днем Юлия Смольянинова читает лекции и ведет практические занятия в Воронежском лесотехническом институте, а Альфред Радченко работает инженером-геофизиком. На гастроли в Москву они приехали вместе с оркестром и ансамблем скрипачей Воронежской народной филармонии.

НАШ ГОСТЬ ПИТ

Человек и песня, слитые воедино,— вот что такое Пит Сигер.

В 1958 году на страницах нашего журнала был очерк о Питере Сигере. В нем рассказывалось, как этот американец стал певцом и пропагандистом народных песен, как он участвовал в знаменитом концерте Поля Робсона в Пикскилле, который пытались сорвать американские фашисты, как Пита вызвали в комиссию по расследованию антиамериканской деятельности, как для него закрылись границы его страны и был наложен запрет на выезд из Соединенных Штатов.

— Что произошло с вами с тех пор, как читатели «Огонька» узнали о вас? — задаем вопрос американскому артисту.

— В 1961 году,— отвечает Пит,— я был приговорен к двум годам тюремного заключения за неуважение к конгрессу. Это случилось после моего столкновения с комиссией по расследованию антиамериканской деятельности.

«Неуважение к конгрессу» — стандартное обвинение для многих прогрессивных деятелей, чей образ мыслей не по нраву официальной Америке.

— Но мне удалось добиться отмены этого приговора и отстоять свое право свободно ездить по миру. С тех пор я побывал в Австралии, Индии, Японии, в Англии, Чехословакии, Польше, Советском Союзе. И вот теперь я снова здесь.

Рассказывая, Пит переходит на русский.

— Когда я приезжал в Москву в первый раз, я вел свою программу на английском языке. А потом я вернулся домой и год учил русский. Мне преподавала его пожилая женщина, которая когда-то жила в Киеве. Ваша страна была ее родиной. Научив меня русскому языку, она отказалась брать деньги: «Наградой для меня будет то, что вы поедете в Россию и сделаетесь ее другом».

В концертном Зале имени Чайковского, где шли концерты Пита Сигера, американского певца встречали как друга. Пит пел по-английски, по-русски, по-испански, пел и одновременно учил зал петь припевы к песням.

Свои концерты Пит заканчивал песней, ставшей гимном движения борцов за расовое равноправие в США. Эта песня — старая негритянская «спиричьюэл» — пережила второе рождение.

— Раньше она начиналась словами «Я преодолею!», теперь — «Мы преодолеем!».

Сейчас певец возвращается на родину. Там его ждут: ждут те, кому его песни придают силы; ждут и члены «Общества Джона Бэрча», которые устраивают пикеты у зданий, где поет Пит Сигер. Нелегкая жизнь у певца. Но счастливая.

Композитор, поэт и актер

Это Жак Брель. В программе и на афише о нем сказано: певец Франции.

Афиши не обманывают. Жак Брель поет на французском языке, приехал из Франции, его имя значится среди самых популярных французских шансонье, рядом с нашими любимцами Ивом Монтаном, Шарлем Азнавуром...

И свой концерт он начинает песней о Париже. Это не удивительно. Здесь пришла к нему слава (правда, после 82 неудачных просмотров!), здесь Жак — поэт и композитор, когда никто из певцов не захотел исполнять его песни,— открыл в себе артиста. И какого! Жак Брель един в трех лицах. Он пишет стихи, сочиняет к ним музыку и потом сам их исполняет. Трудно сказать, что преобладает в его творчестве: так слитно одно с другим. И все же...

Брель — превосходный актер: жест, мимика, выражение глаз, улыбка, небольшое движение корпуса — и перед зрителями новый образ. Люди, люди, люди — десятки их проходят за вечер перед нашими глазами, именно перед глазами. Молодые и старые, верные друзья и отвратительные ханжи, пошляки, обыватели и святоши.

Нет, это не интимный, не камерный певец, как привычно мы ожидали. На его палитре лирика соседствует с сарказмом, юмореска — с публицистикой... И при этом ни одной секунды на сцене без музыки: даже выход, даже паузы между песнями, даже поклоны на аплодисменты.

Заканчивает Брель свой концерт песнями о верности. Верность дружбе, любви, родине. Как ни дорога Брелю Франция, но его сердце всегда принадлежит его родине.

— Северное море, дюны, скалы, бесконечные туманы и поющие ветры — такова моя родина, и нет прекраснее ее: ведь это вольнолюбивая Фландрия!

ПЕСНЯ ПУТЕШЕСТВУЕТ

Сразу 80 менестрелей услышали мы в одном из концертных залов. Это певцы Государственного академического мужского хора Эстонской ССР. Название менестрелей они вполне оправдывают: 203 тысячи километров — примерно четыре кругосветных путешествия совершил хор в поездках на гастроли.

Коллектив знают во многих городах Советского Союза и за границей, знают его вдохновенного руководителя профессора Густава Эрнесакса. В суровые ноябрьские дни 1944 года, когда еще шли последние бои за освобождение Эстонии, основал он хор. Сейчас в репертуаре 580 песен! Они исполняются на русском, украинском, финском, немецком, чешском, словацком, итальянском языках...

Поет Галина Карева

Нелегок путь на оперную сцену у Галины Каревой. Конкурсы, провалы, снова конкурсы и снова провалы. Но студентка авиационного института, выступая в драматическом и хоровом самодеятельных коллективах, верила в свои способности.

Первые гастроли по стране по окончании Музыкального училища имени Ипполитова-Иванова подтвердили незаурядность таланта певицы. Но подлинное признание она нашла у ленинградцев, став одной из ведущих солисток Академического театра оперы и балета имени Кирова.

Ее последняя работа — образ Кармен — подлинный успех.

Артистка большого диапазона и обаяния, Галина Карева много выступает с концертами. Она возродила на эстраде старинный русский романс и исполняет его превосходно.

Репортаж готовили А. Бочинин, И. Вершинина, Л. Осипова, А. Сербин и К. Черевков.

РАССКАЗЫ ВЕЛИЧИНОЙ С ЛАДОНЬ

Валентин ЕРАШОВ

НЕ К ТОМУ ПОПАЛА...

На двери табличка: «Депутат районного Совета принимает по четвергам, с 19 до 21».

Приемная уже опустела. В комнату входит сухонькая, чистенькая, будто с картинки, старушка.

— Милень-кай. Третью неделю к управдому хожу, чтобы кран-то, кран-то мне починили. И в этом, как его, в жакте, что ли,— нет, в жекео — тоже была. Обещать обещали, а дела нету.

Смотрит на большой депутатский блокнот одновременно с надеждою и лукавинкой: сейчас, мол, посулит, запишет. Или даже не запишет?

Депутат встает.

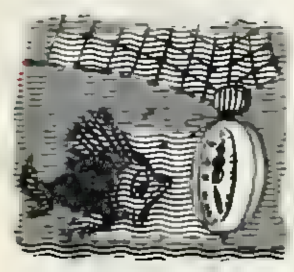
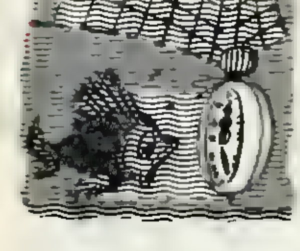
— Пойдемте, мамаша, поглядим.

— Да чего там глядеть, миленькай? Течет кран, ясное дело.

— Поглядим.

Пришли. Старушка суетливо забегает вперед, распахивает дверь в кухню. Депутат сбрасывает пальто, ставит на пол чемоданчик. Глядит на плачущий кран. Потом скидывает выходной пиджак, засучивает рукава белой рубахи. Из чемоданчика достает инструмент.

— Слесарь я, говорит, слесарь,— рассказывает потом старушка соседкам.— А я-то, грешная, думала, депутат. Не к тому, вишь, попала...

ЧАСЫ

История эта началась чуть не сто лет назад...

В дальнюю глухую деревеньку — во кои-то веки! — приехал барин. Зачем — никто не догадался, и пробыл барин всего ничего, сказал с крыльца, чтобы слушались приказчика, глянул на часы, уселся в карету и отбыл себе обратно в город.

А часы у барина были золотые, круглые, с отпрыгивающей крышкой, на золотой цепке, с золотыми подвесками какими-то.

А мужик был блажной, томила его непонятная, сумная тоска, и не сказать, о чем. О красоте, что ли...

Десять лет он бился потом, хоронил в кошель мокрые от пота копейки — десять лет! А часы купил, как у барина: золотые, круглые, о трех крышках, вместо цифр палочки, то прямые, то вперекрест, вроде тех, что ставят плотники на избяных венцах. И цепка золотая. И подвески.

Только по престольным праздникам надевал он часы — цепочка поверху,— доставал, поминутно, щелкал крышкой, а в руки не давал никому. И по всей округе так его и звали: «Тот, часы у кого».

Когда помирал, из рук в руки передал драгоценность старшему сыну, велел только в церкву, по большим праздникам, их нацеплять, а в руки не давать никому, боже сохрани и упаси.

Гражданская прошла, голод прошел, и Отечественная миновала, часы давно уж никто и не думал носить, однако их сберегли, передав до пятого, считай, поколения, показывали гостям иногда: прадедовы! Десять лет деньги копил! И даже в мыслях не было, как бы круто ни приходилось, чтоб их продать.

А однажды правнукова жена сказала: «Хватит всякий хлам беречь» — и от мужа тайком снесла в ювелирный, чтоб взять за часы деньги — на курорт.

Не приняли. Сказали:

— Какое это золото! Позолота, притом дрянная. И фасон древний. Если муж у вас рыбак, пусть на грузило использует...

ВАЛИДОЛ

На обширном столе заваль бумаг, старых газет, журналов, черт те чего. Все ненужное, лишнее, мешает работать. Но ему кажется, будто так солиднее, придает вид занятости, пренебрежения ко всяческим житейским удобствам.

А на чернильном приборе круглая металлическая баночка — пробирка с зеленой наклейкой: валидол. Она пуста, лекарство употреблял однажды лишь, уже давно, и то скорей с перепугу, чем по необходимости. Но держит баночку на столе, чтобы посетители видели: здесь восседает усталый, обремененный заботами и, наверное, больной стенокардией человек. Стенокардию да еще инфаркт он считает болезнью ответственных работников и, пожалуй, будет рад, если заболеет ими.

ЗОЛОТАЯ МЕДАЛЬ

За все одиннадцать лет — подумать только! — не было у нее четверки не только в табеле, а и в классном журнале, в дневнике, в тетрадях. Одни сплошные пятерки.

Когда исполнилось десять, стала пионеркой. В четырнадцать — день в день — вступила в комсомол. Не пропускала воскресников. Участвовала в самодеятельности: читала Маяковского. Безропотно ездила в колхоз на прополку овощей. Занималась спортом. В общем, образцово-показательный человек, хоть обкладывай ватой — и под стеклянный колпак в музей.

Она «шла на медаль» все одиннадцать лет, и никто не сомневался, что награду она получит.

Отличное, по всем правилам, выпускное сочинение: эпиграф, четкий план, цитаты, рассуждения, безупречный почерк, безукоризненная грамматика... Образцовая контрольная по алгебре с геометрией... С устными уже проще, но и там прошла без скидок и поблажечек.

Медаль не получила.

Заведующий облоно сказал, когда обсуждались кандидатуры:

— Медалями награждают не отметки, а людей. Я знаю эту семью и беру ответственность на себя. Девица одиннадцать лет не шевельнула пальцем, чтобы помочь дома. Когда мать болела в прошлом году, нашей барышне стирал белье отец, полковник в отставке. А она тем временем разучивала стихи для концерта. Пусть жалуются куда угодно: пока я жив, медали ей не видать.

НА ПОБЫВКЕ

Солдат приехал на побывку. Село большое, клуб, широкий экран, танцы, все честь честью. А солдат в данную минуту один на село. Его величают по имени-отчеству даже учителя, у которых учился. В сельпо расступается перед ним очередь. Он ежедневно, как перед строевым смотром, надраивает пуговицы на мундире, дивя домашних приспособлениями для такой операции. Ходит в жару застегнутый, затянутый, фуражка надвинута. Жалко вот, медалей нет. Зато полно значков. Вталкивает всем: в мирное время это вроде бы солдатские ордена, как в войну была «Слава»... Большинство ему верит, поскольку верит он сам, а кто сомневается — из вежливости не опровергает.

По вечерам в доме собираются гости, вся родня, пьют, закусывают, шумят. Отец подливает сыну — отцу лестно: вон какой мужик вымахал и водку дует с батей вровень!

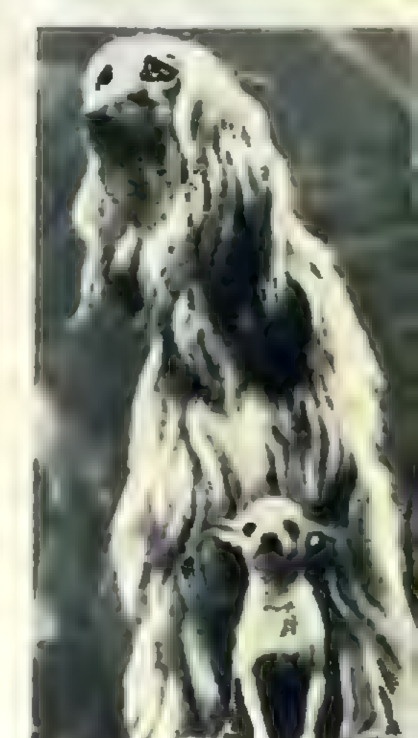
А мать глядит со стороны, жалостно глядит: уж она-то знает, как утром сын вместо мужичьей опохмелки будет у нее тихонько просить молочка! С погреба. Топленого. И чтобы пенка была хрусткая...

Рисунки В. Черникова.

В МЕ
ОТ

БОЛЬШИЕ И МАЛЕНЬКИЕ

Восемьсот различных пород собак демонстрировалось в Лондоне на выставке. Маленькая Хигуагуа нашла, что ее миниатюрные достоинства лучше видны на фоне огромного афганца.

ТРЕ
КОБРЫ

«Теперь вы здоровы. Можете плясать и бегать по лестнице» — такие заключения врачей все чаще и чаще можно услышать в клиниках, где проходит испытания новый замечательный препарат випросал. С его помощью успешно лечат такие болезни, как радикулит, ишиас, полиартрит.

Это стало возможным потому, что в распоряжении фармакологов оказалось достаточное количество змеиного яда. Ведь випросал — мазь из яда гюрзы, которую еще называют и «гробовой змеей».

Очень часто хирурги оказываются в безвыходном положении, когда надо остановить сильное кровотечение. Если на шее или на груди большая рана, то применять жгут или зажимы просто невозможно. Человек может погибнуть от потери крови. Теперь бороться с кровотечением легче. Надо только приложить к ране тампон, смоченный раствором лебетокса. Этот препарат изготовлен тоже из яда гюрзы. Правда, пока получены лишь экспериментальные данные, но не исключена возможность, что скоро лебетокс будет использоваться во всех клиниках.

Но область применения змеиного яда этим не ограничивается. Сейчас ученые разрабатывают новые способы лечения астмы, гипертонии, различных опухолей с помощью препарата из яда кобры — кобротоксина.

Чтобы производить эти препараты, нужен змеиный яд, и, как говорится, в большом ассортименте. А ведь ни гюрза, ни кобра, ни даже обыкновенная гадюка не отдают своего яда, не укусив при этом жертву. Как же быть?..

— Лучше всего об этом расскажет Аркадий Недялков,— ответили нам в «Зоообъединении» Главного управления охотничьего хозяйства и заповедников при Совете Министров РСФСР.— Но сейчас он уехал в Белоруссию на гадюку.

Через неделю молодой ученый, кандидат сельскохозяйственных наук Аркадий Недялков вернулся в Москву, и мы встретились в его квартире. У окна стоял большой фанерный ящик, прикрытый шкурой. Я хотел сесть на него.

— Осторожно, не раздавите. Там гадюки.

Первый раз в жизни я почувствовал истинное значение поговорки «вскочил, как ужаленный». То, что прокусить фанеру змеи не смогут, конечно, и в голову не пришло.

— Тут весь ваш улов?

— Нет, что вы! Здесь их десятка полтора. Это я для зоопарка привез.

— А как охота вообще?

— Да как вам сказать... Удачной поездку назвать, конечно, нельзя. Две сотни гадюк — это не улов. А на вопрос, как добыть яд, ответ проще простого: надо поймать змею и подоить ее.

— Как это... подоить?

— Взять, ну, скажем, кобру за шею и дать ей укусить стеклянную чашечку. Через несколько секунд на дне будет около ста миллиграммов яда. Но повторять такие дойки можно всего четыре-пять раз. После этого змея погибает.

— Значит, нужно все время ловить новых змей?

— Разумеется.

— Легко сказать — разумеется. Но как это делается?

— Очень просто. Гадюки — мелочь. Прижимаешь палкой к земле, берешь за шею и в мешок. С коброй посложнее. Мы знаем, что бросок кобры достигает семидесяти — восьмидесяти сантиметров. Значит, находиться надо примерно в метре от нее. Потом одной рукой, отвлекая кобру, машешь у нее перед носом, а другой берешь за шею и опускаешь в мешок. Но самое опасное — не поймать змею, а посадить ее в мешок. Иногда говорят, что мы работаем в сантиметре от смерти. Речь идет о том моменте, когда надо опускать змею в мешок. Если не сумеешь быстрым движением бросить голову змеи в глубь мешка, можно, мягко говоря, наткнуться на ее зубы.

* * *

Немало на свете опасных профессий. Но едва ли какую-нибудь из них можно сравнить с работой змеелова. Один из старейших змееловов страны, Я. Солодухо, утверждает, что профессия змеелова — это соединение науки и искусства. Выходить, скажем, на кобру, не зная ее повадок,— значит идти на верную гибель. Поэтому змееловы большей частью — и ученые и артисты своего дела.

Рассказывая о повадках змей, Аркадий предложил мне кипу фотографий. Здесь и кобры, и эфы, и гадюки... Нет, что ни говорите, а есть в этих коварных животных какая-то гипнотизирующая красота. Ну разве можно назвать безобразной изготовившуюся к атаке кобру?.. Но вот эта двухметровая бородавчатая змея с застывшим злобным взглядом действительно страшна.

— Самая опасная и коварная змея — гюрза,— говорит Аркадий.— Она и по деревьям лазает, и по скалам, и в расщелинах сидит... Эту я буду помнить долго. Оставила-таки метку... А вообще-то главное — вовремя обнаружить гюрзу. Короче говоря, если вы увидели гюрзу, то прежде всего определяйте быстро, на глазок, ее длину. Обычно это метра полтора-два. Гюрза не поднимается, как кобра. Если ей не удалось ударить, то она бросается сразу. Мы как-то пытались сфотографировать гюрзу в атаке. Бесполезно. Хоть на аппарате стояла выдержка одна пятисотая, получился мазок. Так что от гюрзы не увернешься. Но мы знаем, что броситься она может только на одну треть длины своего тела. Если не удалось прижать ее к земле сразу, жди, когда бросится. Гюрза, естественно, промахнется, потому что мы помним о той самой одной третьей. И вот в конце броска, в тот момент, когда змея зависла в воздухе, надо ее хватать.

Таким способом Аркадий Недялков поймал около трехсот кобр и гюрз. А всего на его счету свыше двух тысяч разных ядовитых змей. Две тысячи раз наедине со смертью! И каждый раз — никакой техники безопасности. Единственная надежда — на свои глаза и руки.

Но сколько бы ни поймал змей один человек, для производства випросала и кобротоксина этого мало. А змеи после нескольких доек гибнут. Где же их брать?..

— Я с тремя товарищами за пять лет поймал свыше десяти тысяч различных змей,— говорит Аркадий.— Кстати, наша бригада принесла государству пятьсот тысяч рублей чистого дохода. И все же змей не хватает. Дело, видимо, в том, что ловим мы их больше, чем производит природа. Есть у меня мечта — организовать где-нибудь в Средней Азии змеиную ферму. Наверняка можно было бы добиться не только того, чтобы змеи не отказывались от пищи, но и заставить их размножаться и давать больше яда.

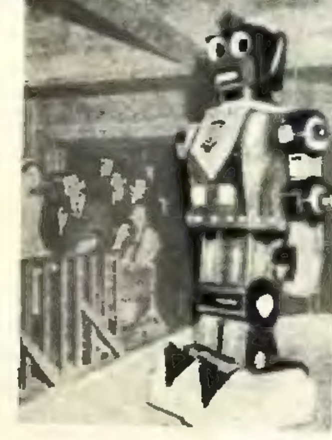
Скоро на прилавках аптек появятся новые лекарства. Многим людям принесут они здоровье. И эти люди наверняка вспомнят змееловов, которые работают в сантиметре от смерти.

Б. СОПЕЛЬНЯК

бавные мелочи

КОШКА НА КАКТУСЕ

Этот случай произошел в одном небольшом городке США. Для того, чтобы снять кошку Вини, забравшуюся на верхушку четырехметрового кактуса, была вызвана пожарная команда. Операция по спасению кошки передавалась по телевидению.

РОБОТ-НЯНЬКА

Горо — так зовут этого робота, сконструированного в Японии. Он может исполнять многие произнесенные вслух приказания. Конструктор Жиро Сагами использует робота в качестве няньки, правда, под надзором матери ребенка.

СЕМЕЙНЫЙ АВТОБУС →

Чех Эрих Новелл в выходной день обычно выезжает с семьей на лоно природы. Чтобы разместить четырех членов семьи, изобретательный человек соединил два велосипеда и детскую коляску. Как видно, вся семья очень довольна.

ДЕРЕВЯННЫЙ ОЛЕНЬ

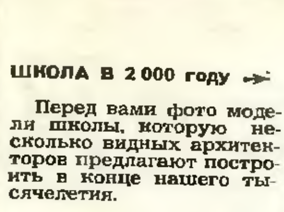
В наших заполярных лесах много бурелома. Корни опрокинутых и обгоревших деревьев принимают порой самые причудливые формы. Предлагаю вашему вниманию чуткого оленя.

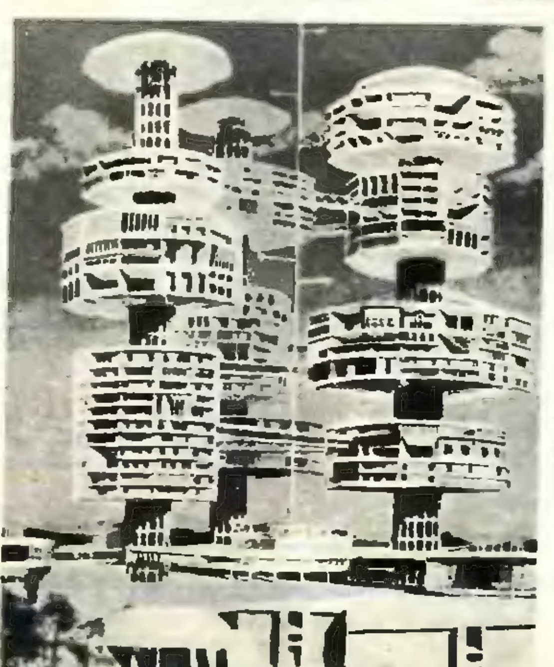
Ю. Демин

ШКОЛА В 2 000 году →

Перед вами фото модели школы, которую несколько видных архитекторов предлагают построить в конце нашего тысячелетия.

ЖЕНЩИНА-ТОРЕАДОР

Амина Ассис — первая женщина-тореадор в Испании. Она отличается большим самообладанием, хладнокровием и отвагой.

ЗАБОТА О МУЖЬЯХ

Магистрат одного небольшого японского города издал постановление, которым уполномочил бургомистра города налагать штраф на женщин, готовящих для своих мужей невкусную пищу.

Почему мы так говорим

КЕНГУРУ

В 1768 году Британское адмиралтейство и королевское общество снаряжают экспедицию в южное полушарие для наблюдения «за прохождением планеты Венеры через солнечный диск» [1]. Руководителем экспедиции назначается Джеймс Кук, к тому времени не только морской офицер, но и гидрограф, топограф, астроном.

26 августа 1768 года судно «Эндевор» покинуло Плимутский рейд и вышло в открытое море. 3 июня следующего года, согласно приказу, на острове Таити производятся астрономические наблюдения. Затем «Эндевор», открыв и присоединив к британской короне группу островов в Южной Полинезии и Новую Зеландию, выходит к восточному побережью Австралии.

И всегда, как только Кук покидает зыбкую палубу судна и ступает на твердую землю, в нем просыпается неутомимый исследователь, любознательный этнограф. Его дневники заполняются записями о флоре и фауне незнакомых мест, описаниями туземцев, их образа жизни, обрядов, материальной культуры. Кук — неплохой художник, и он «берет на карандаш» все, что, по его мнению, достойно отображения.

В Австралии Кука особенно поражает своеобразие животного мира. Никогда и нигде прежде не встречались ему ни сумчатый волк, ни черный лебедь, ни ехидна, ни утконос. Все это надо запечатлеть на бумаге для ученых, для потомков.

Но, пожалуй, первым долгом надо описать и зарисовать это серо-рыжее прыгающее существо с длиннющими задними лапами и хвостом-палкой, который служит рулем при скачке и сиденьем при отдыхе.

Рисунок странного животного Кук показывает туземцу и осведомляется, как они, австралийцы, называют этого рыжего сумчатого прыгуна. Собеседник не знаком с английским языком.

— Гангару,— произносит он.

«Кенгуру» — заносит мореплаватель в свой дневник слово, которым отныне будет наречено животное.

Кук не догадывается, что туземец сказал ему вовсе не то, что от него требовалось. Ведь «гангару» означает на местном языке «я не понимаю».

А вскоре это название-ошибка перекочевало и в географические карты. Военный моряк Мэтью Флиндерс, приступив к более детальному исследованию Австралии, открыл в 1802 году близ ее южного берега остров, который назвал по водившимся там животным островом Кенгуру.

Э. ВАРТАНЬЯН

[1] Повышенный интерес к телам небесным был лишь поводом к устройству дел земных. Как справедливо отмечает историк географических открытий англичанин Дж. Бейкер, наблюдение за планетой было «ширмой для плавания, конкретной целью которого было открытие южного континента и присоединение новых территорий к Британской империи».

Мир вещей

ПРЯНИК НА ПАМЯТЬ

Пряник издавна служил на Руси подарком. Его дарили на рождение, с его помощью объяснялись в любви. Пряник был обязательным украшением праздничного стола. Им заканчивали пирушки. За это его даже прозвали разгончим. После угощения пряником гости расходились.

Во время свадьбы жениху и невесте подносили пряник вместо хлеба-соли. А молодожены, в свою очередь, оделяли гостей орехами с пряника.

Не гнушались пряником и цари. В специальном указе, изданном в 1700 году Петром Великим, среди продовольственного припаса для царицы и царевен упоминались «пряные зелья».

По случаю какого-нибудь события пекли специальные пряники. Нижегородские пекари изготовили пряник в честь первого парохода на Волге. А в Архангельске соорудили пряничный портрет известной балерины, посетившей город.

Базары и ярмарки заполняли детские пряники — петушки, гуси, птички, олени, рыбки, коньки. Фигурные золоченые пряники украшали елку под Новый год. Обычно подарочные и юбилейные делались до метра длиной и весом до пятишести килограммов! Был даже и пудовый пряник.

«Толстая лепешка на меду, сахаре или патоке с пряностями» — так характеризует пряник словарь современного русского языка.

От пряностей и получил пряник свое имя. Пряности же своим названием обязаны перцу — по-восточнославянски — «пьпьрь». Вот куда привела нас родословная нашего пряника. Уроженец Ост-Индии, перец оказался его прародителем. Так что и наш пряник, вероятно, можно считать чуть-чуть азиатом. От этого своего родственника пряник унаследовал не только имя, но и мятный вкус и ароматный запах.

Перец далеко не единственный предок пряника. Самый близкий, пожалуй, хлеб. Пряник-то и появился вслед за ним. Предполагают, что местом его рождения была Россия, а отсюда он уже перекочевал в другие страны.

Каких только узоров не придумывали пряничных дел мастера! Вырастали целые сказочные города, расписные терема, зáмки, загадочные жар-птицы, диковинные заморские звери. На тульских и вяземских обязательно писалось название города. Калужские пестрели тиграми, львами, жирафами. Путивлевские — танцующими фигурками.

У нас изготовляется примерно до тридцати сортов пряников. Старые пряничные штампы живы и по сей день. Только они перекочевали на валики машин. Появились сейчас и новые сорта. Наши пряники завоевали мировую славу на выставках в Брюсселе, Париже, Риме, Хельсинки.

Н. ГАЛИМОН

— На что жалуетесь?
— На соседей. Ничего у них не слышу!

Баскетболист у врача
— Скажите «А»...
Рисунок В. Каневского.

— А ты говорила, что я не облегчаю твой труд.
Рисунки Г. и В. Караваевых.

Новичок.
Рисунок В. Жаринова.

По горизонтали:

5. Город в Молдавии. 9. Русский актер XIX века. 10. Французский баснописец. 11. Морское животное. 12. Сплав для заливки подшипников. 13. Летательный аппарат. 15. Печатное издание. 18. Река в Северной Америке. 19. Круглое сооружение с куполом. 20. Оливковое дерево. 23. Древнегреческая поэма. 26. Государство в Азии. 27. Озеро в Казахстане. 30. Красное красящее вещество. 31. Роман Ф. М. Достоевского. 32. Химический элемент. 33. Полуостров в СССР. 34. Книжный знак, ярлык.

По вертикали:

1. Советский композитор. 2. Русский хирург. 3. Азбука. 4. Картина Т. Г. Шевченко. 6. Нагорье в Тувинской АССР. 7. Хищная птица семейства соколиных. 8. Летняя пристройка к зданию. 14. Столица европейского государства. 15. Искусственное русло. 16. Стихотворение А. С. Пушкина. 17. Тонкая черта. 20. Персонаж пьесы А. Н. Островского «Таланты и поклонники». 21. Промысловая рыба. 22. Вид транспорта. 24. Образец, шаблон. 25. Ежегодный торг. 28. Монета. 29. Этюд для пения.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 43

По горизонтали:

7. Тунгуска. 8. Репортаж. 11. Аорта. 12. «Егерь». 13. Шарж. 15. Пруд. 16. «Зритель». 17. Баклуша. 18. Европий. 19. Кукушка. 22. Бионика. 24. Маслова. 25. Латы. 26. «Заря». 27. Тезка. 28. Смола. 30. «Светлана». 31. Телеграф.

По вертикали:

1. Белута. 2. Алголь. 3. Кукуруза. 4. Ожерелье. 5. Сумбева. 6. Давлури. 9. Василевская. 10. Североморск. 14. Жалаулы. 15. Прогноз. 20. Уланова. 21. Амазонка. 22. Барометр. 23. Каракал. 27. Таллин. 29. Ацетон.

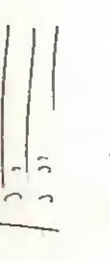
За кулисами цирка.
Чтобы не подсказывал.

Рисунок В. Черникова.

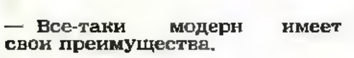
Подкидыши у тещи.

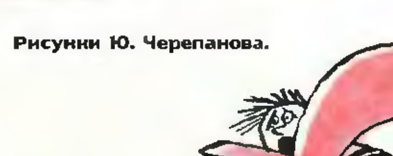

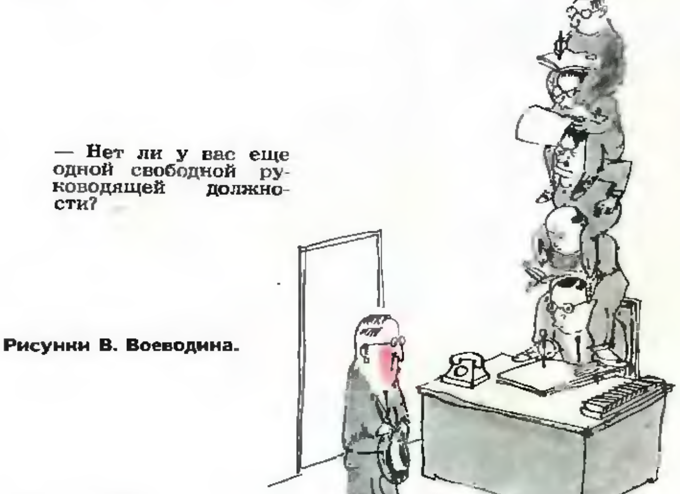
— А повторите этот номер на модели моей фабрики.

— Все-таки модерн имеет свои преимущества.

Рисунки Ю. Черепанова.

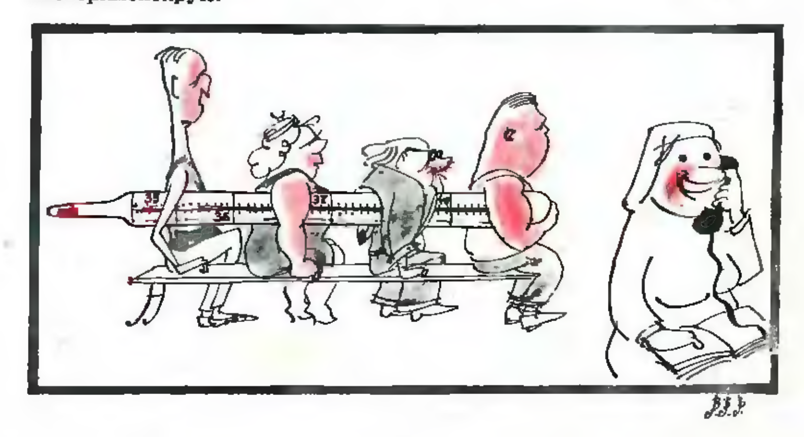

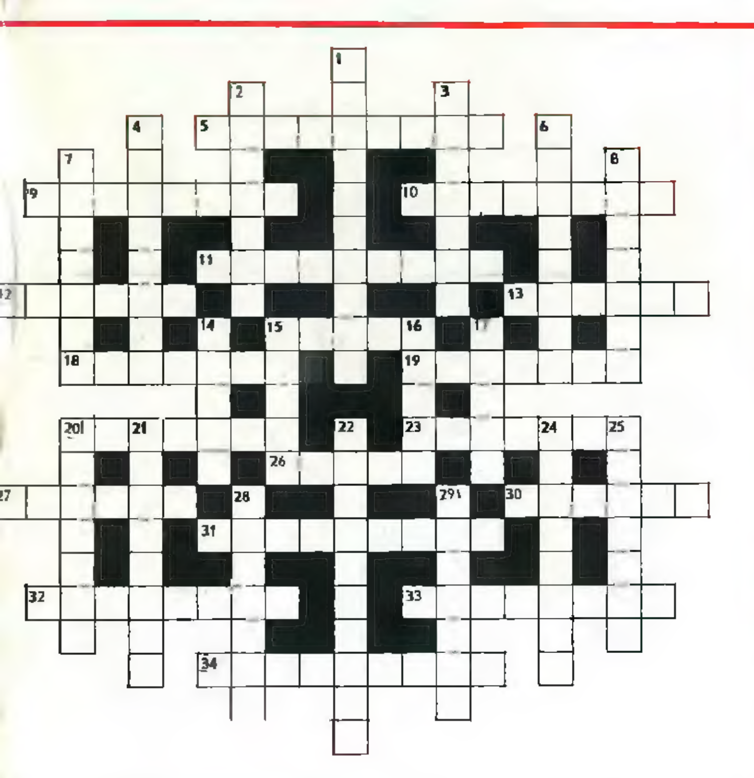

— Нет ли у вас еще одной свободной руководящей должности?

Рисунки В. Воеводина.

— А я тут, в процедурном, полегоньку экспериментирую.

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ.
Редакционная коллегия: И. В. ДОЛГОПОЛОВ (главный художник), Б. В. ИВАНОВ (заместитель главного редактора), Н. Н. КРУЖКОВ, Л. М. ЛЕРОВ, В. Д. НИКОЛАЕВ (ответственный секретарь), И. Ф. СТАДНЮК (заместитель главного редактора), Л. Л. СТЕПАНОВ, Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

Адрес редакции: Москва, А-15, Бумажный проезд, 14.
Рукописи не возвращаются. **Оформление Л. Шумана.**

Телефоны отделов редакции: Секретариата — Д 3-38-61; Отделы: Внутренней жизни — Д 3-37-61; Международный — Д 3-38-63; Искусств — Д 0-46-98; Литературы — Д 3-31-10; Информации — Д 3-32-45; Библиографии — Д 3-38-26; Науки и техники — Д 0-14-70; Юмора — Д 3-32-13; Спорта — Д 3-32-67; Фото — Д 3-39-04; Оформления — Д 3-38-36; Писем — Д 3-36-28; Литературных приложений — Д 3-30-39.

А 02099. Подписано к печати 27/X 1965 г.
Формат бум. 70 × 108 1/8. 2,5 бум. л. — 6,85 печ. л.
Заказ № 2711. Тираж 1 850 000. Изд. № 1891.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина.
Москва, А-47, ул. «Правды», 24.

На первой странице обложки: Вовка-сибиряк.
Фото Д. Ухтомского.

На последней странице обложки: Зимний сезон осенью. На московском лыжном трамплине.
Фото А. Бочинина.

Цена номера 30 коп.
Индекс 70663
93-2-8